SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- В. В. Огарков
  -
  - Введение
  - Глава I. Первые шаги временщика
  - Глава II. Возвышение Потемкина
  - Глава III. Актив и пассив “князя Тавриды”
  - Глава IV. Могущество, причуды, капризы и романы Потемкина
  - Глава V. Путешествие Екатерины II на юг
  - Глава VI. Очаков, Петербург и Измаил
  - Глава VII. Конец потемкинской феерии
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

В. В. Огарков
Григорий Потемкин
Его жизнь и общественная деятельность
Биографический очерк
С портретом Потемкина, гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

Князь Потемкин-Таврический – это громкое и блестящее имя давно привлекало внимание историков и поэтов. Его необычайное возвышение и могущество, необыкновенная жизнь, закончившаяся такой же необыкновенной смертью, интересовала и тех, и других. В литературах различных стран ему посвящены исследования, поэмы и романы. Одни из историков новейшего времени и современники князя смотрели на него, как на “язву России” и как на человека, отличавшегося только возмутительными пороками; другие, находя, что он не стеснялся никакими нравственными догмами, в то же время признавали за ним огромные таланты и большие заслуги перед государством. И этими противоречивыми взглядами, составляющими удел многих людей необыкновенных, наполнена почти вся литература о Потемкине. Но можно думать, что все эти разноречия способны слиться в том представлении о личности временщика, по которому он, являясь лицом, наделенным несомненными дарованиями и оказавшим большие государственные заслуги, в то же время в высокой степени обладал пороками своей эпохи, еще шире проявившимися в нем, благодаря его кипучей, необузданной натуре и могуществу.

Из громадной литературы о Потемкине мы в своем очерке главным образом пользовались известной монографией профессора Брикнера “Потемкин”, а также обстоятельными биографическими материалами о временщике, помещенными в “Русской старине” за 1875 год, кроме всех тех источников, которые поименованы в конце биографии.

Глава I. Первые шаги временщика

Интерес, возбуждаемый личностью Потемкина. – Рождение его и детство. – Отец Потемкина. – Сведения о матери. – Учение. – Богатое воображение и мечты Грица. – Червь честолюбия. – Крайности и противоположности в характере. – Склонность к религиозному. – Университет. – Золотая медаль. – Успехи в Петербурге. – Исключение из университета. – Поступление на действительную военную службу. – Долг архиепископу Амвросию. – Успехи по службе. – Участие в событиях 28 июня 1762 года – Награды. – Известность при дворе. – Заискивания у государыни. – Находчивость, смелость и остроумие. – Потеря глаза. – Тоска и отчаяние. – Сцена с Орловым. – Опять во дворце. – Винегрет должностей. – "Опекунство" над инородцами

Среди известных в истории баловней счастья, изумлявших современников своим могуществом, успехами и богатством и служивших у потомков материалом для создания фантастических легенд об их необыкновенном возвышении, – одной из самых крупных личностей является Потемкин. Близкий друг прославленной императрицы; исключенный за неуспешность из университета и тем не менее обладавший громадными талантами; желавший в юности поступить в монахи, а потом в течение долгих лет бывший обладателем целого гарема роскошных красавиц; сын захудалого помещика и впоследствии бросавший миллионы на свои затеи, угощавший дам на балах десертом из бриллиантов; человек, за которым ухаживали коронованные особы и который в течение долгих лет держал в своих руках судьбы родины и Европы; оригинал, о чудачествах, капризах и выходках которого составилась целая литература на нескольких европейских языках – "великолепный князь Тавриды" представляет богатый психологический материал для наблюдателя. Около этого колосса Екатерининского царствования группируется ряд людей, политических событий и общественных явлений, характеризующих данную эпоху и представляющих не менее интересный материал и для историка. Жизнь Потемкина поучительна и для философа, представляя собой пример суетности земного величия и пустоты деятельности, не согретой горячим стремлением к идеальной и возвышенной цели. Этот временщик, испытавший все, что только возможно на земле, в моменты самого высокого своего положения томился безысходной тоской... Он, скучавший в золоченых чертогах и не удовлетворявшийся баснословною роскошью, умер среди

пустынной степи, и две медные грязные монеты закрыли на вечный сон его глаза.

Рождение, детство и первые шаги знаменитого князя известны больше из устных преданий, нежели на основании точных письменных источников. Поэтому некоторые данные о вышеозначенном времени довольно проблематичны и часто приукрашены вымыслами – как, впрочем, и многое в жизни Потемкина. В этом случае, как и в других подобных, народная фантазия, пораженная зрелищем необычайного могущества человека, старается найти зачатки этого явления еще в самом далеком прошлом героя и окружает его чуть не с пеленок сверхъестественным романтическим ореолом. Не избежал этой участи и "князь Тавриды", хотя действительно он по своим свойствам более чем кто-нибудь другой имел право на это.

Григорий Александрович Потемкин, сын небогатого, вышедшего в отставку майора, увидел свет в селе Чижеве близ Смоленска в сентябре 1739 года. Размышляя о многих особенностях будущего присоединителя Крыма, особенностях, которых в полном размере не могла привить атмосфера, окружавшая Потемкина в позднейшие годы, невольно обращаешься к свойствам его отца. Александр Васильевич Потемкин, отец будущего "светлейшего", по рассказам современников, был человек гордый, порою необузданный и не стеснявшийся в своих желаниях, насколько это позволяло его положение. Так, при живой еще первой жене он женился на другой, мучил последнюю ревнивыми подозрениями и пр. Рассказывают еще, что он, явившись для освидетельствования в военную коллегию, чтобы уволиться по болезни, причиненной ранами, полученными в сражениях, от службы и узнав в одном из присутствовавших членов служившего у него когда-то в роте унтер-офицером, сказал:

– Как? И он будет меня свидетельствовать! Я этого не перенесу и останусь еще на службе, как ни тяжки мои раны! – И он действительно после того остался еще два года на службе.

Весьма возможно, что некоторые из черт сына представляли унаследованные свойства отца. Но несомненно и то, что в значительной степени выдававшиеся в Потемкине качества: надменность, гордость, неудержимость желаний, – выработались в нем благодаря его положению и окружающей обстановке. Встречая раболепное, безграничное поклонение даже от самых высших сановников, "князь Тавриды" привык третировать всех окружающих; не встречая серьезных соперников себе по уму и талантам, он гордился своими умственными преимуществами; не находя преград исполнению самых необузданных желаний, он

привык считать их законом для всего окружающего.

Впрочем, влияние отца на сына могло выразиться только в передаче последнему наследственных качеств, так как Григорий Александрович, или, как его звали в детстве и юности, Гриц, рано осиротел: отец его умер в 1746 году. Относительно матери будущего “светлейшего”, Дарьи Васильевны, урожденной Скуратовой, и отношений ее к сыну имеется мало данных. Она из скромных, “захудалых” дворянок, благодаря сказочному возвышению сына сделалась статс-дамой при дворе; была красива и неглупа. Сохранились указания на то, что сын впоследствии не питал особенно нежных чувств к матери, так как она осуждала донжуанские наклонности своего вельможного детища, не щадившего в ухаживаниях даже родных племянниц.

По смерти мужа мать Грица с детьми переселилась в Москву, где родственник покойного Потемкина, Григорий Матвеевич Козловский, был президентом камер-коллегии. Этот родственник покровительствовал семье будущего князя, и с сыном Козловского, Сергеем, Потемкин, по достижении возраста, посещал, до поступления в университет, учебное заведение Литкеля в немецкой слободе.

Потемкин, обладавший пламенным воображением и необычайной памятью, рано отдался книгам и своим грандиозным мечтам. Тогда уже в нем замечались странности и не укладывавшиеся в обычные рамки поведения поступки и мысли. То, что часто служит признаком людей крупных, избранных личностей, не удовлетворяющихся обыденной сутолокой житейских мелочей, и ум которых жаждет подходящей пищи, часто перебрасываясь от одного к другому, – то нередко кажется окружающим сумасбродством. Так было и с Потемкиным. Родившись с необычайными способностями и богатым воображением (что доказывается достоверными показаниями современников и колоссальными планами князя), он не мог удовлетвориться “пошлою прозою” жизни, на которую его обрекла судьба, не поставив высоко по рождению будущего властелина. С другой стороны, время, в которое жил Потемкин, богатое “авантюрами”, создававшими из ничтожества могущественных вельмож, а также и классическая литература с ее знаменитыми героями, любителем которой был Гриц с детства, все это могло распалять в кипучем уме мальчика честолюбивые стремления. Многие свидетельства современников указывают на этого червя честолюбия, который с юности грыз “великолепного князя Тавриды”. То ему нравится и влечет к себе величие архиерейского служения, блеск и поклонение: он желает быть архиереем. То ему хочется быть министром и военачальником.

Попадаются и совершенно детские мечты о скупке домов за Яузой и постройке на месте их одного “преогромного здания”.

В кипучей натуре Потемкина жили часто противоположные крайности, что нередко является признаком людей с дарованиями. Склонный еще в юности к созерцанию, религиозный, до тонкости вникавший в вопросы богословия, умевший цитировать святых отцов и не шутя думавший о монашестве, Потемкин в то же время способен был проявлять бесшабашный сенсуализм, перед которым бледнеют самые роскошные мифы, посвященные этому культу. Многие, знавшие князя, рассказывают о его сохранившейся на всю жизнь страсти к наукам отвлеченным и чтению классиков. Во время своей силы “светлейший”, вместе с гаремом красавиц, арапами и челядью, держал у себя ученых раввинов, раскольников и начетчиков. Он любил, после разъезда своих гостей, собирать эту часть своего штата, стравливал спорщиков друг с другом, сам принимал участие в прениях и изощрял таким образом свои знания еще более.

Для всякого недюжинного ума всегда будет интересной область таинственного, мистического; мучающегося сомнениями человека неотразимо влечет приподнять “покров Изиды”. Помимо этого у Потемкина вкус к богословию и религиозным мыслям мог развиться и от частых собеседований с духовными лицами в юности, из которых особенно полезным собеседником и наставником его был иеродиакон греческого монастыря Дорофей. Во всяком случае, даже в раннюю пору жизни Потемкина, из сохранившихся о ней данных видно, что его давно волновала жажда славы и подвигов, желание властвовать над другими. Как будто тогда у него являлось предчувствие колоссальной власти и могущества, заставлявшего впоследствии даже представителя “гордого Альбиона” лорда Мальмсбюри (Гарриса) заискивать у не церемонившегося с посланниками князя.

Поступив в только что учрежденный университет, Потемкин первое время с жаром отдался изучению наук, что так отвечало его кипучей любознательности. За дарования и успехи он удостоился золотой медали и затем, когда Шувалов приказал выбрать 12 лучших воспитанников университета и прислать их в Петербург, в числе избранных оказался и Гриц. Студенты были приняты в домах вельмож столицы и у иностранных посланников, причем, по отзывам современников, Григорий Потемкин производил особенно хорошее впечатление своей находчивостью и остроумием, а также сведениями в богословии и “эллино-греческом” языке. Наконец воспитанники были представлены императрице Елизавете Петровне.

Весьма возможно, что молодой, лелеявший высокие мечтания Потемкин, увидев роскошный двор Елизаветы, при котором блистало столько баловней счастья, часто не наделенных даже скромными талантами, еще более распалился честолюбивыми вожделениями; и, может быть, это обстоятельство отчасти было причиной того, что Гриц стал манкировать университетом.

Наука в тогдашнем обществе не была еще настолько уважаемой персоной, чтобы доставить ученому высокое положение в обществе. Развитая мускулатура, высокий рост и физическая красота могли создать владельцу их гораздо более блестящую карьеру, чем даже изобретение чего-нибудь вроде бинома Ньютона. И, понятно, военная служба, дававшая возможность лучше проявить вышеупомянутые качества, являлась тогда самой удобной ареной для молодых честолюбцев, предпочитавших ее всему другому. Эта истина была слишком проста, чтобы вскоре ее не усвоил и Потемкин. Рассказывают, однако, что непосредственными причинами исключения Грица из университета (около 1760 года) были его самостоятельные занятия и усердное чтение, а также и душеспасительные беседы с монахами, отвлекавшие его от лекций. Как бы то ни было, но будущий меценат и покровитель ученых и литераторов, которые впоследствии пресмыкались перед ним, воспевали его в высокопарных одах и вымаливали от него милостей, был исключен из университета за “леность и нерадение”. Следует указать на то интересное обстоятельство, что вместе с Потемкиным той же участи подвергся и известный Новиков, один из просвещеннейших людей своего времени. Будет не лишено справедливости замечание, что тогдашняя наука и способы ее преподавания были настолько педантичны и сухи, что не укладывались в души талантливых учеников, и это являлось, в свою очередь, причиной охлаждения последних к учению.

Потемкин окончательно положил расстаться с мечтами об учености и “командовании попами”: он решил поступить на действительную военную службу. По обычаю того времени, еще мальчиком его записали в конную гвардию рейтаром. Занимаясь в университете, он постепенно был повышаем в чинах, дойдя в 1759 году до каптенармуса. Отметим то обстоятельство, что чин капрала Гриц получил, по докладу Елизавете Ивана Шувалова, за свои успехи в богословии и “эллино-греческом” языке еще во время своей поездки в Петербург в 1757 году. О желании своем поступить на службу Потемкин сообщил одному из наиболее часто посещаемых им в Москве иерархов, Амвросию Зертис-Каменскому, впоследствии известному архиепископу Московскому и Калужскому. Тот одобрил его намерение и дал

будущему “светлейшему” на дорогу пятьсот рублей. В отношении уже к этому облагодетельствовавшему его другу Потемкин выказал ту небрежность и беспорядочность, которые так часто проявлял впоследствии ко многим своим нравственным обязательствам. “Великолепный князь Тавриды”, бросая огромные суммы на прихоти, сделав десятки своих родственников и клевретов миллионерами и богачами, не любил платить даже скромных долгов. Так было и с этими 500 рублями Амвросия. Потемкин, обещавшись заплатить их вскоре и с процентами, не исполнил этого обязательства даже по отношению к наследникам архиепископа.

В Петербурге Гриц занялся усердным изучением строевой службы и обнаружил в этом искусстве не меньшие способности, чем в изучении 2 – 3года назад догматических отвлечений и тонкостей. Он обратил на себя внимание как прекрасным знанием службы, так и хорошей ездой, статностью и красотой. Все это сделалось причиной того, что он был вскоре произведен в вахмистры и взят ординарцем к любимому дяде императора Петра III Георгу Голштинскому, правя в то же время ротой, в которой служил.

Время, в какое попал Потемкин в Петербург, было самое удобное для людей с честолюбивыми стремлениями. Хотя в точности и не выяснена роль Потемкина в событиях при воцарении Екатерины, и рассказы об его участии в них довольно сбивчивы, но мы действительно видим, что счастье ему улыбнулось; он находился в списке представленных Георгием Орловым к наградам, и сама государыня писала о нем Понятовскому следующее: “в конной гвардии офицер Хитрово и унтер-офицер Потемкин направляли все благоразумно, смело и деятельно”.

Четыреста душ крестьян, чин подпоручика гвардии и камер-юнкера при дворе были первыми скромными наградами “светлейшего”, который в эпоху своего могущества говаривал некоторым доверенным лицам, что мог бы быть и королем Польским, и великим герцогом Курляндским, но что на все это было ему “наплевать”!

Мечты молодого честолюбца исполнились; первый, самый трудный шаг был сделан. Потемкин стал известен государыне, которая не могла не обратить внимания на величественного конногвардейца, отличавшегося образованием и остроумием. Много рассказов имеется в литературе о том, как вел себя в это время при дворе Потемкин и чему он главным образом обязан был своим возвышением. Передают, например, что “князь Тавриды” умел подделываться под чужой голос, чем нередко

забавлял Григория Орлова. Об этом узнала и государыня, пожелавшая поближе познакомиться с забавником. Спрошенный о чем-то Екатериной, Потемкин отвечал ей ее же голосом и выговором, чему она до слез смеялась. По тем же рассказам, на достоверность которых можно полагаться лишь до известной степени, Орловы, сначала покровительствовавшие Грицу, потом стали ревниво следить за всеми шагами его и даже как-то раз сильно исколотили палками будущего властелина.

Несомненно только, что Потемкин был принят при дворе и часто находился, в качестве камер-юнкера, в обществе государыни, чувствовавшей симпатию к молодому придворному, ум, находчивость и смелость которого ей не раз пришлось оценить. Так, однажды Екатерина обратилась к Потемкину за столом с вопросом на французском языке, тот отвечал ей по-русски. Сидевший за столом знатный сановник – из породы Полониев – заметил Потемкину, что подданный обязан отвечать своему государю на том языке, на котором был задан вопрос. Но молодой камер-юнкер, нисколько не смущаясь, возразил:

– А я, напротив того, думаю, что подданный должен ответствовать своему государю на том языке, на котором вернее может мысли свои объяснить: русский же язык учу я с лишком 22 года.

В другой раз, императрица играла в карты с Григорием Орловым. Потемкин подошел к столу, оперся на него рукой и смотрел в карты государыни. Орлов шепнул ему, чтоб отошел.

– Оставьте его, – возразила государыня, – он вам не мешает!

Но к честолюбцу, начавшему с такими явными признаками успеха свою карьеру, подкрадывалось страшное несчастье: он окривел на правый глаз. История с этим глазом также послужила поводом для многих, часто самых фантастических рассказов. Ходили слухи, что глаз Потемкину вышиб кулаком Алексей Орлов; что ему во время ссоры с одним придворным последний выколол глаз шпагой и тому подобное. Но достовернее всего является рассказ племянника “светлейшего”, графа Самойлова, оставившего очень ценное для истории Потемкина жизнеописание знаменитого дяди. По рассказу Самойлова, Потемкин, возвратившись из Москвы в 1763 году после коронации Екатерины II, заболел горячкой. Всегда отличавшийся своенравностью, он и в этом случае не хотел лечиться обычным порядком и не обратился к патентованным докторам, а взял для этого простого знахаря Ерофеича (изобретателя знаменитой водочной настойки), обвязавшего ему голову какой-то доморощенной припаркой. Почувствовав страшный жар и боль в голове и обвязанном глазу, Потемкин сорвал повязку и заметил

на глазу нарост, застилавший ему зрение. В нетерпении он сорвал этот нарост булавкой и окривел. Как бы то ни было, Потемкин лишился употребления одного глаза, и мы легко можем представить себе его страшное отчаяние. Его звали Алкивиадом, и какой жестокой насмешкой была эта кличка по отношению к окривевшему Потемкину!

По свойственной его страстной натуре крайности, жизнерадостный до того Потемкин теперь отдался самому мрачному отчаянию. Все казалось ему погибшим: завоеванное уже внимание государыни, а с ним – блеск, слава и могущество... Он, по рассказам современников, целых 18 месяцев просидел безвыходно дома, в комнате с закрытыми ставнями, валялся в постели, отрастил бороду и принимал только самых близких людей. В наиболее сильные пароксизмы отчаяния Потемкин возвращался к мечтам детства о пострижении в монахи, усердно занимался богословскими вопросами и изучал богослужебные обряды... Весьма возможно, что в его голове роились и другие планы – во что бы то ни стало, тем или другим способом, завоевать известность; и если ему казалась погибшей его карьера при дворе, то он мог стать известным вообще на поприще государственной службы. Племянник Потемкина сообщает, что дядя за время своего уединения много читал книг и “изощрял свой ум познаниями”.

В конце концов Потемкин по своей живой натуре, лелея разные планы, примирился со своим недостатком, который, по отзывам современников, был почти незаметен и очень немного портил его замечательную красоту. С повязанным глазом Потемкин стал мало-помалу появляться в обществе и, наконец, снова по желанию Екатерины, попал во дворец.

Тот факт, что Потемкин был вызван из своего уединения самой императрицей, указывает, что последняя его помнила и интересовалась его судьбой. И весьма правдоподобны рассказы о том, что Орловы не желали появления его во дворце, иначе он еще раньше попал бы в придворные сферы, в которых имел такой успех.

Как бы то ни было, но в один прекрасный день к отшельнику явились Алексей и Григорий Орловы.

– Тезка, – сказал Григорий, – государыня приказала мне глаз твой посмотреть!

Но Потемкин не хотел сначала исполнить этого требования; тогда Орловы силой сняли повязку с глаза и убедились, что их соперник окривел.

– Ну, тезка, – проговорил тогда Григорий Орлов, – а мне сказывали, что ты проказничаешь... Одевайся: государыня

приказала привести тебя к себе!

Таким образом состоялось вторичное появление Потемкина при дворе.

Мы не будем передавать всех рассказов, относящихся к жизни Потемкина в это время: события ее не представляются интересными, и, кроме того, имеется мало документальных данных об этом периоде. Блестящие дни временщика, изумившего Европу своим великолепием и могуществом, были еще впереди. Одно только можно сказать, что он нередко за описываемое время бывал во дворце, забавлял государыню своими выходками и давал ей возможность знакомиться со своим выдающимся умом и дарованиями. Не было, вероятно, недостатка со стороны Орловых и их сильной партии в желании дискредитировать Потемкина, так настойчиво становившегося им поперек дороги. Ничего нет необычайного и в том, что они старались под тем или другим предлогом удалить его от двора и дали ему, между прочим, очень неавантажную командировку в Швецию, которая, впрочем, по другим источникам относится к более раннему периоду службы Потемкина. Весьма возможно также, что бывали дни, когда сама императрица, настроенная Орловым, менее дружелюбно относилась к будущему временщику.

Во всяком случае на Потемкина за эти 7 – 8 лет не пролилось особенных милостей и его служебное положение шло довольно обыкновенными шагами. Нам нет надобности делать скучное перечисление его наград и производств; скажем только, что он в 1768 году был пожалован в камергеры.

Мы не можем обойти молчанием то обстоятельство, что будущему могущественному человеку, простершему свою длань над обширной Россией, приходилось за это время часто занимать неподходящие должности и делать почти опереточные скачки от одного дела к другому. То он “занимает казначейскую должность” и надзирает за шитьем казенных мундиров; то заседает за обер-прокурорским столом в Святейшем Синоде, “дабы слушанием, читанием и собственным сочинением текущих резолюций навыкал быть способным и искусным к сему месту”, – как сказано в указе Синоду. Может быть, знание богословских книг и церковных обрядностей Потемкиным оправдывало в достаточной степени его присутствие в упомянутом учреждении; но довольно странно, что в 1767 году с двумя ротами своего полка он был командирован в Москву, где тогда собралась известная “Большая комиссия” для составления “Уложения”. В ней Потемкин участвовал в качестве опекуна депутатов от татар и других иноверцев, выбравших его опекуном “по той причине, что

они не довольно знают русский язык”, а также был членом “комиссии духовно-гражданской”. О деятельности его в этом знаменитом собрании не сохранилось данных, так что неизвестно, как он “опекал” вверивших ему свои интересы иноверцев.

Итак, мы видим, что Потемкин прошел за время с 1761 по 1769 годы целый винегрет должностей: он “надзирал за мундирами”, был камер-юнкером, сидел за обер-прокурорским столом Синода, числился опекуном татар и состоял вместе с тем на действительной военной службе.

Но все эти ранги были слишком мелки для души, жаждавшей громких подвигов, богатства, власти и славы. А такой была, несомненно, душа Потемкина. И скоро мы его увидим в блеске недосягаемой власти – фигурой, способной приковать к себе глубокое внимание и историков, и психологов, и поэтов. Незримо созревали семена, зароненные Потемкиным в душу государыни, и наступало время, когда повелительница Севера, славившаяся своим умением выбирать людей, должна была опереться на могучую руку Потемкина.

Глава II. Возвышение Потемкина

Отъезд в армию.– Письмо к императрице. – Знаменитые эпизоды первой турецкой войны.– Участие в них Потемкина.– Аттестация его князем Голицыным.– "Обширные и дальновидные замечания".– Чума и Григорий Орлов.– Возрастание интереса у государыни к Потемкину. – Васильчиков.– Письмо Екатерины.– Приезд Потемкина в Петербург. – Его "случай".– Письмо императрицы к Гримму.– Интерес в придворной сфере и у посланников к новому любимцу.– Встреча с Орловым. – Потемкин – генерал-адъютант.– Письма жены Сиверса и посланников.– Власть и значение Потемкина.– Поклонение и лесть окружающих.– Награды и милости.– Потемкин – граф и князь.– Воспевание его поэтами.– Первые шаги в сфере государственных действий. – Зачатки обширных планов.– Уничтожение Запорожской сечи.– Мимолетная немилость и власть снова

В заседании "Большой комиссии" 2 января 1769 года маршал собрания Бибиков объявил, что "господин опекун от иноверцев и член комиссии духовно-гражданской Григорий Потемкин, по Высочайшему Ее Императорского Величества соизволению, отправляется в армию волонтером".

Потемкин захотел искать свою "фортуну", довольно еще туго дававшуюся ему в апартаментах дворца, где кишели всевозможные интриги и было слишком много конкурентов, привлекавших внимание государыни, – на полях битв. Но Потемкин сделал это не просто, а с великолепием и помпезностью, которые так характерны для него; в этом случае ему хотелось произвести побольше впечатления на государыню. Он обратился к ней, прося дозволения ехать в армию, воевавшую с турками, с очень интересным письмом, из которого мы приведем небольшие выдержки:

"Беспримерные Вашего Величества попечения о пользе общей, – писал Потемкин, – учинили отечество наше для нас любезным. Долг подданнической обязанности требовал от каждого соответствования намерениям Вашим... Я Ваши милости видел с признанием, вникал в премудрые указания Ваши и старался быть добрым гражданином. Но высочайшая милость, которою я особенно взыскан, наполняет меня отменным к персоне Вашего Величества усердием. Я обязан служить государыне и моей благодетельнице, и так благодарность моя тогда только изъявится во всей своей силе, когда мне для славы Вашего Величества удастся кровь пролить... Вы изволите увидеть, что

усердие мое к службе Вашей наградит недостатки моих способностей, и Вы не будете иметь раскаяния в выборе Вашем...”

Таким громким письмом заявил будущий “великолепный князь” о своем желании послужить “обожаемой монархине”. Он отправился в армию (переименованный из камергеров в генерал-майоры), находившуюся под начальством князя Голицына, осаждавшего крепость Хотин на Днестре. Эта первая при Екатерине война с Турцией, как известно, ознаменовалась громкими победами русских войск, покрывших себя славой под начальством графа Румянцева-Задунайского, сменившего Голицына. Знаменитые погромы турок при Ларге и Кагуле завершились выгодным для России миром при Кучук-Кайнарджи.

Эта же война доставила и первые лавры Потемкину. Еще при князе Голицыне он участвовал в целом ряде стычек и сражений, снискавших ему похвалы главнокомандующего. Изучив хорошо конную службу, о чем он и упоминал в цитированном выше письме к Екатерине, и действительно показав в этом деле крупный организационный талант впоследствии, Потемкин и при этих первых своих военных опытах оказался лихим кавалеристом.

“Непосредственно рекомендую Вашему Величеству мужество и искусство, – писал Екатерине князь Голицын в рапорте о поражении Молдаванджи-Паши в августе 1769 года, – которое оказал в сем деле генерал-майор Потемкин; ибо кавалерия наша до сего времени еще не действовала с такой стройностью и мужеством, как в сей раз, под командой вышеозначенного генерал-майора”.

Мы не будем перечислять подробно подвигов Потемкина за время до конца 1770 года, когда последовала по случаю зимнего времени приостановка военных действий. Не будем рассказывать об этом подробно уже по одному тому, что потом на долю Потемкина выпало главенство в ведении другой войны с Турцией, где пришлось яснее выказать ему свои достоинства и недостатки. Скажем только, что ему пришлось участвовать почти во всех знаменитых сражениях этого периода, приходилось проявлять личное мужество и отличную распорядительность в самостоятельных действиях, участвовать в первом взятии Измаила русскими и прочее. Но его с полей битв тянуло в Петербург, во дворец, к источнику величия, милостей и богатств... Там жила государыня, внимание которой, в смысле совершения блестящей карьеры, стоило гораздо больше, чем истребление десятков армий и взятие дюжин крепостей. Потемкин прибыл в Петербург в конце 1770 года с отличными рекомендациями Румянцева. В письме Задунайского к государыне перечислялись заслуги Потемкина и, между прочим, говорилось:

“Сей чиновник, имеющий большие способности, может сделать о земле, где театр войны состоял, обширные и дальновидные замечания, которые по свойствам своим заслуживают быть удостоенными высочайшего внимания и уважения, а посему и вверяю ему для донесения Вам многие обстоятельства, к пользе службы и славы империи относящиеся…”

Весьма возможно, что “обширные и дальновидные замечания” Потемкина, склонного ко всему громкому и грандиозному, заключали уже и тогда в себе зародыш знаменитого “греческого проекта”, который так пугал Европу в прошлом столетии и до сих пор стоит перед народами в образе грозного “восточного вопроса”. Знаменитые победы Румянцева, в которых и сам Потемкин принимал известное участие, могли заронить в голову пылкого честолюбца, хватавшегося за всякий повод к возвышению, мысль о легком уничтожении Турции и о замене луны крестом на храме святой Софии. Впоследствии этот “греческий проект” не шутя занимал Потемкина и государыню, причем на пост византийского императора прочили самого могущественного временщика.

В означенное время во дворце за благосклонность государыни происходила, как и всегда, борьба партий. Возросшее после Чесменской победы Алексея Орлова влияние этой фамилии возбудило недовольство со стороны партии Панина и других, энергично противодействовавших могучим Орловым. В этой борьбе придворных партий самым решительным ходом было выставление кандидата на внимание императрицы. В случае успеха выставлявшая его партия получала богатство, значение и власть.

Потемкин, хотя и благосклонно встреченный государыней, видел, что его час еще не пробил. Орлов являлся пока слишком могущественным человеком, чтобы с ним можно было легко справиться. О подробностях пребывания будущего временщика в. Петербурге за время с конца 1770 года и до отъезда его снова в армию в 1771 году не сохранилось подробностей. Известно только, что он, между прочим, завязал прочные дружеские отношения с двумя приближенными к Екатерине лицами: библиотекарем государыни Петровым и Иваном Перфильевичем Елагиным. Это было очень ловким шагом со стороны не дававшего маху будущего героя Тавриды. Первый из упомянутых людей, хорошо знакомый с князем раньше и бывший довольно известным виршеплетом тогдашнего времени, постоянно напоминал государыне о Потемкине, – к которому она и без того чувствовала симпатию, – воспевая его в стихах и прозе. Еще по поводу победы будущего “светлейшего” при Фокшанах (1770),

командовавшего небольшим самостоятельным отрядом, ходили при дворе вирши Петрова:

Он жил среди красот и аки Ахиллес
На ратном поле вдруг он мужество изнес:
Впервый приял он гром, и гром ему послушен,
Впервые встретил смерть – и встретил равнодушен!

Через Елагина и Петрова Потемкин испросил дозволения императрицы писать ей письма и получать через них же словесные ответы. Разумеется, эти письма Потемкина, вообще отличавшегося недурным стилем, были хорошо задуманы. Карабанов сообщает, что, “с любопытством прочитывая все письма, государыня видела, с каким чувством любви и с какой похвалой изъясняется Потемкин насчет ее особы; она сперва приказывала передавать ему словесные ответы, а потом сама принялась за перо и вела с ним переписку”.

Все обстоятельства складывались так, что в императрице постепенно нарастало чувство благосклонности к Потемкину, не забывавшему систематически и упорно вести свою линию, и эта благосклонность должна была, наконец, отразиться на его возвышении. В то время, когда будущий временщик в действующей армии проявлял по-прежнему храбрость и распорядительность, командуя уже целым резервным корпусом (под Силистрией) и отличаясь во многих делах, в Петербурге, при дворе, дела принимали оборот, оказавшийся весьма выгодным для Потемкина.

Турция за русские победы подарила нам страшную чуму, которая ознаменовалась особенными ужасами в Москве и опасным бунтом, в котором, между прочим, погиб архиепископ Амвросий. Противная Орловым партия, во главе которой стоял известный Никита Иванович Панин, убедила государыню, что в Москву необходимо послать “доверенную особу, какая бы, имея полную власть, в состоянии была избавить тот город от совершенной погибели”, и указала на Григория Орлова, отправка которого из столицы соответствовала и затаенным желаниям государыни. Но партия Панина, может быть, рассчитывавшая на то, что моровая язва уберет ненавистного ей Орлова, ошиблась в расчетах. Этот богатырь вернулся из Москвы цел и невредим.

Известно, с какой энергией и отвагой, а также разумной распорядительностью действовал он при усмирении волнений и прекращении болезни. Заслуг его не могла не признать еще так недавно отменно благоволившая к нему императрица. Орлов с царским триумфом вступил снова в Петербург. В Царском Селе в

честь его воздвигнуты до сих пор существующие триумфальные ворота и выбита медаль. На воротах красовалась громкая надпись:

Орловым от беды избавлена Москва.

А на медали, выбитой в честь победителя чумы, на одной стороне изображен портрет, а на другой – бросающийся в пропасть Курций, с известной подписью: “И Россия таковых сынов имеет”.

Но звезда счастья Орлова уже начала меркнуть, и ей не суждено было засиять прежним блеском. Вскоре, как известно, Григорий Орлов с чисто азиатским великолепием и роскошью, окруженный громаднейшей свитой, отправился на конгресс в Фокшаны для ведения мирных переговоров с турецкими уполномоченными. Раздраженный неуступчивостью турецких послов и ведя себя с ними крайне высокомерно, он самовольно уехал с неудавшегося конгресса, но был встречен курьером с письмом государыни, предлагавшей ему поселиться на Гатчине…

Наступала очередь “великолепного князя Тавриды”, возвышение которого и вскоре же обнаружившееся громадное значение, однако, для многих были неожиданностью.

Произведенный в 1773 году в генерал-поручики, Потемкин, жадно стремившийся в Петербург и хорошо осведомляемый обо всем, происходившем в придворных сферах, получил в конце этого года следующее письмо от государыни, которое мы сообщаем в выдержках:

“Господин генерал-поручик и кавалер! Вы, я чаю, – писала Екатерина в обычном своем полушутливом тоне, – столь упражнены глазеньем на Силистрию, что Вам некогда письма читать… Все то, что Вы сами предприемлете, ничему иному приписать не должно, как горячему Вашему усердию ко мне персонально и к любезному отечеству, которого службу Вы любите… Прошу по-пустому не вдаваться в опасности… Вы, читая сие письмо, может статься, сделаете вопрос: к чему оно написано? На сие имею Вам ответствовать: к тому, чтобы Вы имели подтверждение моего образа мыслей о Вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна”.

Расположение государыни, сквозившее в строчках этого письма, заставило Потемкина торопиться с отъездом из армии. Он прибыл в Петербург в начале января 1774 года и уже через два-три месяца сделался могущественным человеком, за которым раболепно ухаживали люди, незадолго перед тем третировавшие его как parvenu[1].

Какие причины способствовали этой благосклонности

Екатерины к Потемкину, благосклонности, которая была настолько прочна, что продержалась до самой смерти князя? Несомненно, государыня хорошо помнила остроумца камергера, так забавлявшего ее своими выходками и порою интересовавшего своими широкими планами. Потемкин очень ловко сумел за время своего отсутствия поддерживать интерес к себе, он часто писал государыне письма, где, конечно, не скупился на выражения, в самом лучшем свете выставлявшие его горячие чувства и преданность к обожаемой повелительнице; государыня слышала о военных знаниях Потемкина, о его подвигах, о которых ей постоянно докладывали друзья Грица, имевшиеся при дворе. Все это могло сильно действовать на воображение императрицы. А с другой стороны, Васильчиков, не наделенный дарованиями и неспособный разделять широких планов государыни, входившей уже в роль, навязывавшуюся ей многими льстецами, “величайшей монархини” в Европе, не мог, конечно, удовлетворять своей повелительницы. Эти обстоятельства и подняли Потемкина в глазах Екатерины, а он уже крепко уцепился за счастливый случай и не выпускал его почти до конца из своих сильных рук. Сама Екатерина так писала о новом своем избраннике Гримму (в июле 1774 года): “Генерал Потемкин более в моде, чем многие другие, и смешит меня так, что я держусь за бока”... и в другом письме: “Я удалилась от некоего очень скучного гражданина...” “Потемкин – один из самых смешных и забавных оригиналов сего железного века”.

Как бы ни объяснялось это быстрое внимание государыни, но уже с марта 1774 года Потемкин является могучим временщиком, безусловно подавлявшим всех своим авторитетом и получившим громадное влияние на государственные дела. Несмотря на то, что в последние годы жизни князя не существовало той непосредственной близости его к государыне, которая имела место лишь в первые годы возвышения Потемкина, и “светлейший” подолгу отсутствовал в Петербурге, тем не менее его власть и влияние на императрицу были громадны.

Без преувеличения можно сказать, что во всемирной истории найдется мало таких примеров, какой представляется Потемкиным. Окруженный сетью интриг, встречая могущественных завистников, использовавших всякий промах врага, чтобы очернить его перед повелительницей, великолепный князь Тавриды все-таки всех побеждал: он в продолжение 18 лет был могучим властелином, презрительно попиравшим ненавистников, и преданным другом государыни, получившей за свой ум и талант название “Великой”. И эту дружбу, влиявшую не только на отечественные дела, но и на европейские и лишь

изредка затемнявшуюся мимолетными вспышками недовольства, было бы слишком односторонне и несправедливо объяснять одними личными искательствами, а не способностями и несомненными дарованиями князя.

В несколько месяцев на нового счастливца пролились необычайные милости. Кажется, ни один из известных в истории повелителей не расплачивался так щедро и так роскошно за оказанные услуги, как Екатерина, раздавшая своим приближенным сотни тысяч крестьян, между тем, как с начала царствования она лелеяла, по крайней мере в письмах к корифеям западной мысли и науки, мечты о снятии тягостей рабства на родине. И львиная часть этих щедрот государыни выпала на долю Потемкина, добившегося, наконец, того, что было предметом его давнишних мечтаний.

По приезде в столицу Потемкин через Григория Орлова, не утратившего добрых отношений с Екатериной, но уже не имевшего прежней к ней близости, свиделся с государыней. Вероятно, Орлов, думавший еще о возвращении к себе прежней благосклонности государыни, не полагал, что устроенное им свидание приведет к роковым последствиям. Об отношении этих двух временщиков ходило много рассказов. Так, говорили, например, что Потемкин однажды поднимался по дворцовой лестнице, направляясь к государыне, а Григорий Орлов спускался по той же лестнице, возвращаясь домой. Потемкин, смущенный этой встречей, обратился к своему предшественнику с приветствием и, не зная, что сказать, спросил его:

– Что нового при дворе?

– Ничего, – ответил холодно Орлов, – только вы поднимаетесь, а я иду вниз.

Потемкин, добившись представления Екатерине, придерживался в своих личных делах правила “ковать железо, пока горячо”, и уже в феврале, поощренный приветливым отношением государыни, сам обратился к ней с просьбой о пожаловании генерал-адъютантом.

“Сие не будет никому в обиду, – закончил Потемкин свою просьбу, – а я приму за верх моего счастья, тем паче, что находясь под особливым покровительством Вашим, удостоюсь принимать премудрые повеления Ваши и, вникая в оные, сделаюсь вяще способным к службе Вашей и Отечества”.

Свершилось! И уже 1 марта 1774 года Екатерина сообщала Бибикову о назначении его друга Потемкина генерал-адъютантом. Она заканчивала это письмо следующим образом: “Глядя на него (Потемкина) веселюсь, что хоть одного человека совершенно довольного около себя вижу”.

Каждое восхождение новой звезды над троном, как мы уже сказали выше, составляло в глазах придворных событие огромной государственной важности. Оно являлось таким и для представителей иностранных государств, так как облеченный доверенностью временщик мог своим влиянием на государыню перетянуть чашу весов в ту или другую сторону. Немудрено, что каждое событие, совершавшееся во дворце, всякое изменение в составе лиц, приближенных к монархине, волновало дипломатические сферы, и перья посланников и министров иностранных дел усиленно работали в это время.

То же было и при повышении Потемкина, с той только разницей, что этот "случай" наделал еще больше шума, чем все другие. Знать, а в особенности высокопоставленные кумушки, интересовались всякой мелочью относительно новой звезды. Так, жена новгородского губернатора Сиверса доставляла мужу подробные реляции о первых шагах восходившего светила. "Новый генерал-адъютант, – писала она в марте, – дежурит постоянно вместо всех других"... "Говорят, он скромен и приятен"... В апреле: "покои для нового генерала-адъютанта готовы, и он занимает их; говорят, что они великолепны... Я часто вижу Потемкина, мчащегося по улице шестерней"...

Петр Иванович Панин в марте 1774 года писал приятелю про Потемкина: "Мне представляется, что сей новый актер роль свою играть будет с великой живостью и со многими переменами"...

Прусский посланник, граф Сольмс, доносит своему правительству: "По-видимому, Потемкин сделался самым влиятельным лицом в России. Молодость, ум и положительность доставляют ему такое значение, каким не пользовался даже Орлов".

Вообще говоря, с первых же шагов Потемкина все угадали в нем грозную силу, которая не даст себя в обиду и с которой опасно бороться. Все начали преклоняться перед могучим советником и "наперсником Минервы", как звал Потемкина Державин. В обществе, воспитанном в крепостной обстановке, лишенном образования и в котором не могли еще в ту пору, благодаря сложившимся историческим условиям, выработаться понятия о праве и справедливости, отсутствовала верная оценка истинных заслуг человека и не было стойкости убеждений. Все, что имело силу, блеск и богатство – только это одно и возбуждало поклонение. То же самое проявилось и по отношению к Потемкину. Его недавние недоброжелатели лебезили перед временщиком и умоляли о милостях. Когда познакомишься с низкими свойствами этой толпы и ее жадностью к презренному металлу, то невольно прощаешь "князю Тавриды" ту

надменность, которую он проявлял к окружавшим с самых первых дней своего возвышения.

Мы впоследствии скажем подробнее о всех тех дарах, которыми наградила Потемкина Екатерина; эти богатства, несмотря на страшное мотовство князя, по смерти его простирались до колоссальной суммы в несколько десятков миллионов. Трудно перечислить все отличия, выпавшие на долю баловня счастья: это был бы длинный утомительный перечень. Здесь мы упомянем только, что уже в первое время, за полтора – два года своей близости к Екатерине, он получил громадные суммы денег, десятки тысяч душ крестьян, бриллианты и другие драгоценности. В 1774 году Потемкин был уже генерал-аншефом, вице-президентом военной коллегии и кавалером ордена святого Андрея Первозванного.

В 1775 году, во время празднования Кучук-Кайнарджийского мира, Потемкин был возведен в графское достоинство и уже в марте 1776 года, по усердной просьбе к германскому императору самой Екатерины, пожалован в княжеское достоинство Священной Римской Империи с титулом “светлейшего”. Иностранные государи, по настояниям своих представителей в Санкт-Петербурге, наперебой старались выказать ему свое благоволение, награждая высшими знаками отличия, и только Георг III, представитель “гордого Альбиона”, не соблаговолил снабдить Потемкина орденом Подвязки. Милости лились целым потоком не только на самого Потемкина, но и на его родственников. Мать его была пожалована в статс-дамы, сестры и племянницы тоже были приближены ко двору, и последние получили придворные звания. Эти знаменитые племянницы, пользуясь положением дяди, эксплуатировали доброту государыни, а также срывали все, что возможно, с самого “светлейшего”, отношения которого к этим родственницам не допускают сомнения в том, что он и относительно их не выходил из роли Дон Жуана.

Слава могущественного князя уже за эти два первые года его повышения гремела по России. Московский университет, исключивший из числа своих студентов Потемкина “за леность и нехождение”, воспевал нового сановника в высокопарных латинских виршах. Сумароков и Херасков превозносили его как мецената. Митрополиты и архиепископы обращались к нему с почтительными письмами и просили его ходатайств. Протоиерей Алексий посвятил князю свое сочинение “Церковный словарь”.

С первых же дней своего повышения Потемкин показал, что он совсем не хочет быть только “мебелью” при дворе; подобная роль для честолюбивого, гордого князя, человека такого ума,

являлась неудобной. Мы видим, что уже в эти два года почти ни одно решение государыни не обходится без совета с ним, многое делается по его инициативе, так что в сущности он является главным ее советником и притом советником авторитетным. Нужно сказать, что многие его действия были исполнены известного такта и благородства, исключавшего представление о его “черной” зависти ко всякому успеху, сделанному помимо него. Так, он настоял на усилении армии Задунайского новыми подкреплениями из России и о нестеснении его инструкциями. Зная еще силу Никиты Панина, он очень ловко доказал свою услужливость последнему, устроив командировку брата его, Петра Панина, для окончательной расправы с пугачевцами. К этому же времени (1775 год) относится и уничтожение Запорожской Сечи, произведенное по мысли и инструкциям Потемкина. Это гнездо смелых бандитов, нападавших на своих и чужих и грабивших безнаказанно магометан и православных, не могло быть терпимо в благоустроенном государстве. Генерал Текеллий с сильным отрядом явился в Запорожье и занял место, где помещалась Сечь, войсками. Вероятно, уже и в это время государыня познакомилась с обширными планами Потемкина о борьбе с Турцией, об организации наших окраин, примыкавших к этой стране, о заселении Новороссии и расширении пределов России до Черного моря и владычестве ее на последнем. Мы подробнее скажем об этих планах в следующих главах, здесь же упомянули о них, чтобы объяснить титул “генерал-губернатора Новороссийского”, которым именуется Потемкин еще с конца 1774 года.

Но набегали тучки и на счастье “светлейшего”. Его возвышение было так необычайно, власть так громадна, надменность так велика, что у него, кажется, не имелось приверженцев в придворных сферах; все были против него и выискивали случай заменить неприятного любимца более удобным человеком. И эта борьба одного князя с целым сонмом врагов, повторяем, указывает нам, какими огромными силами и влиянием на государыню обладал этот человек. Тем не менее трудно было и Таврическому держаться постоянно на одинаковой высоте власти. Уже в 1776 году у Потемкина явился соперником Завадовский, вместе с Безбородко взятый государыней из канцелярии Румянцева к себе в секретари. Особенное благоволение государыни к Завадовскому уязвило в самое сердце Потемкина, не терпевшего совместников. Он уехал на некоторое время из столицы, и все уже думали, что его могуществу пришел конец. Но князь, вернувшись, сразу, как гигант, разорвал все интриги и сети врагов: он опять безраздельно завладел

вниманием государыни и влиянием на дела.

Князь заложил прочный фундамент в душе императрицы. Для того чтобы судить о расположении к нему государыни и доверии к его уму, что и было главной причиной могущества временщика, стоит только прочитать письма Екатерины; в них встречается масса самых лестных эпитетов и самых дружеских пожеланий, с уверениями в неизменном благоволении, и эти письма тянутся длинной полосой, не изменяя своего дружеского тона до самой смерти князя. Уверенный в своих силах и неизменном расположении к себе императрицы, Потемкин мог смело решиться на самые грандиозные и несбыточные планы, на которые у других его современников не хватало ни силы, ни отваги, ни фантазии.

Глава III. Актив и пассив “князя Тавриды”

Жизнь государства. – “Польза” и “вред” исторических явлений. – Политическая арифметика. – Экзамен Потемкину. – Князь-красавец. – Образование и знания Потемкина. – Отзывы современников. – Любовь к изящным искусствам. – Стремление к грандиозности. – “На аршин” выше римского Петра! – Пороки князя. – Сладострастие. – Сложность натуры Потемкина. – Лень и энергия. – Добрые черты его нрава. – Стихийность натуры князя. – Отзывы де Линя. – “Актив” князя. – “Греческий проект”. – Фантазии князя. – Положение России на юге. – Пребывание и деятельность в Новороссии. – Постройка городов. – Екатеринослав и его чудеса. – Мнение Иосифа II. – Военные реформы. – Избавление солдата от мучительной экипировки и наказаний. – Личность Потемкина как материал для поэзии

Прежде чем подробно рассказывать о дальнейших деяниях и росте могущества Потемкина, мы считаем необходимым представить общий характер “великолепного князя Тавриды”, его “актив” и “пассив”, как они выяснились из всей его жизни.

Жизнь государства представляет такое сложное стихийное явление, что часто является затруднительным произносить категорические приговоры о “вреде” или “пользе” деяний государственных людей, наделенных несомненными талантами, но представлявших не особенно симпатичные нравственные свойства. Да и до сих пор, собственно говоря, не установлен точный критерий для оценки “полезности” исторических явлений. По отношению к отдельной личности в общем, может быть, считается достаточно точным подразделение явлений на “вредные”, смотря по тому, доставляют ли они страдание или более или менее глубокое наслаждение индивиду. Но по отношению к жизни государств усвоено обыкновенно другое воззрение. Победоносная война, за которую достается кусок территории и срывается громадная контрибуция с побежденных, считается полезным государственным явлением. А между тем сколько страданий доставляет она! Сколько рыданий матерей, жен и детей раздается по убитым! Сколько страшных, тяжелых сцен скрывается даже для победившего государства в этом громком слове – “победоносная” война!

Весьма возможно, что округление границ государства, спасающее его от политических неурядиц и неустройств, от

набегов хищных племен и обеспечивающее более правильное развитие производительных сил страны, в значительной степени вознаградит в будущем за те жертвы, которые принесены в борьбе за это “округление”: поля, увлажненные кровью народа, может быть, будут приносить богатую жатву отдаленным потомкам. Точно так же громадные траты на то, чтобы “стать твердой ногой” на море, могут отразиться в будущем значительным подъемом сил государства путем развития его сношений с более образованными странами, что будет способствовать и его собственному прогрессу. Много есть исторических событий, в которых худое так тесно переплетается с хорошим, что не скоро еще найдутся “трезвые” историки, способные взвесить на точных аптекарских весах критики “вред” и “пользу” этих событий. Этот взгляд на исторические события целиком можно перенести и на государственных деятелей: в них светлые стороны часто переплетаются с такими, от которых с отвращением отворачивается пурист-историк, ищущий и на страницах великой книги жизни народов воплощения отвлеченных нравственных идеалов, но забывающий при этом, что и “великие” люди созданы из того же земного праха, в котором, со времен Адама, гнездится целая масса пороков. В истории немало встречается таких личностей, которые отталкивают нас многими своими безнравственными качествами, но которые обладали огромными талантами, и утилизация их дарований оказывалась полезной государству. К числу таких личностей принадлежит и великан екатерининского царствования Потемкин. Что он был из породы людей “крупных” не одним только ростом – в этом трудно сомневаться: за это достаточно говорит его колоссальное могущество, державшееся до конца благодаря его громадному авторитету в глазах государыни, умевшей, по единодушному приговору историков, узнавать и ценить таланты. Об этом говорят отзывы современников, не имевших повода курить фимиам князю за его милости, рассказы умных и опытных иностранцев, к числу которых принадлежали такие недюжинные люди, как принц де Линь, лорд Мальмсбюри, Сегюр и др. За это, наконец, говорят красноречиво и дела, совершенные “великолепным” Таврическим сатрапом. Если бы историки желали быть справедливыми, то после тщательно произведенного экзамена Потемкину они должны были бы выдать ему такой диплом: пять с плюсом – за способности и знания и единица – за поведение. В самом деле, нравственный “пассив” князя был колоссален, но у него имелось крупное и в “активе”.

По части внешности можно было бы многое занести в “актив”. Помещенный здесь портрет князя, по странной прихоти

долго не позволявшего снимать с себя изображений, относится уже к последним годам его жизни и, видимо, художник польстил оригиналу. Но в молодости и в средние годы, когда князя еще не сокрушали болезни от беспорядочной жизни, это был красавец, трехаршинный Адонис. Среди придворных издали уже узнавали князя “по возносящейся выше прочих главе его” (выражение племянника Потемкина – Самойлова). Современники единодушны относительно замечательной физической красоты и мощи “светлейшего”. При высоком росте он обладал пропорциональным сложением, могучими мускулами и высокой грудью. Орлиный нос, высокое чело, красиво выгнутые брови, голубые приятные глаза, прекрасный цвет лица, оттененный нежным румянцем, мягкие светло-русые вьющиеся волосы, ровные, ослепительной белизны зубы – вот обольстительный портрет князя в цветущие годы. Немудрено, что он по количеству своих романов, о которых мы подробнее скажем ниже, не уступал знаменитому герою романтических новелл – Дон Жуану-ди-Тенорио. Потемкин, окруженный ореолом могущества, богатства и блеска, был неотразим для женщин своего времени, конечно, не лелеявших тех светлых идеалов, которые встречаются у героинь тургеневских романов. Даже потеря зрения в одном глазу не портила его внешнего вида. Впрочем, порой, в особенности в годы зрелые, общее впечатление портила угрюмость князя, набегавшая на его чело, изборожденное морщинами. Тогда он, по словам очевидца, подперев подбородок рукой, нахмурив чело и уставив единственный смотревший глаз на собеседника, принимал зверское выражение. Но даже и в поздние годы, – Потемкин умер 52-х лет, – “сгорбленный, съеженный, невзрачный (слова де Линя), когда остается дома, – он выпрямляется, вскидывает надменно голову, он горд, прекрасен, величествен, увлекателен, когда является перед своей армией, точно Агамемнон в сонме греческих царей”... Во всяком случае, в самой наружности князя, в его величественной осанке – сразу виден был человек недюжинного калибра.

Нельзя не отметить и того, что Потемкин был человек многосторонне образованный для своего времени. Он отличался быстрым пониманием и феноменальной памятью. Хорошо зная французский язык, он был прекрасно знаком с выдающимися французскими писателями. Мы уже знаем про его сведения в “эллино-греческом” языке и богословии. Он был начитан и в классической литературе, и в его письмах часто встречаются обычные для того времени цитаты из классических авторов. По отзывам современников, масса сведений, приобретенных им от лиц разных профессий, с которыми он сталкивался, и усвоенных

благодаря огромной памяти, была колоссальна. В молодости князь писал стихи, сатиры и эпиграммы, – и впоследствии мы нередко видим его в качестве редактора и исправителя слога самой Екатерины (он исправлял текст оперы “Олег”, сочиненный государыней и др.). Естественно, что во время своего могущества Потемкин считался меценатом, от которого немало перепадало милостей “жрецам Аполлона”. В сонме этих поэтов, воспевавших любимца счастья, патетичнее всех звучала высоко настроенная лира Державина, во многих великолепных строфах увековечившего память об екатерининском гиганте. В большом уме и блестящих талантах князя не может быть сомнений: это подтверждается подавляющим количеством свидетельств современников. “Великий человек, – говорит Суворов, – велик умом и ростом!” Отзывы Сегюра, де Линя, Мальмсбюри, Массона, Екатерины и многих других рисуют его не только человеком с огромными дарованиями, но даже гениальным. Разумеется, есть отзывы и не такие благоприятные для временщика: в колоссальной личности князя так все сплеталось – и хорошее, и дурное, – и так часто он выставлял напоказ свои громадные пороки, что его нравственные недостатки, в глазах пуритан, набрасывали тень и на его умственные достоинства. Немало было, конечно, у князя недоброжелателей, обойденных им в их стремлении к власти; немало было и завистников, и, понятно, такие лица не скупились клеймить все в Потемкине. Но, повторяем, в чем другом, а в уме и выдающихся дарованиях “наперсника Минервы” невозможно сомневаться.

Не забудем упомянуть и то, что князь считался знатоком изящных искусств. Собранная им коллекция картин, – и собранная не по одному только тщеславному побуждению затмить всех роскошью, – была колоссальна и заключала произведения величайших в мире художников. Но более всего князь любил и понимал музыку и архитектуру. В обоих этих искусствах сказалась страсть его ко всему величественному: музыкальные оркестры его были громадны, а стремление к грандиозности в архитектуре выразилось яснее всего в том факте, что, задумав строить в Екатеринославе собор, “подобный храму Петра в Риме”, он велел “прикинуть аршин” к размерам римского колосса, чтобы превзойти даже этот величайший храм на земле! Фундамент этого храма, постройке которого, конечно, как и большинству грандиозных планов Потемкина, не суждено было осуществиться не только в продолжение нескольких лет, но и в течение столетий, – этот фундамент служит теперь *оградою* для сооруженной внутри него церкви.

Переходя к нравственным свойствам князя, мы должны

прежде всего остановиться на его честолюбии: оно еще с юности было его преобладающей нравственной чертой. Блистать, сиять, властвовать надо всеми и всем – этому Ваалу были принесены громадные жертвы “великолепным” временщиком. Но это же честолюбие не могло направляться у такого умного человека, как князь, – да еще желавшего отличиться перед такой выдающейся государыней, какой представляется Екатерина II, – на цели мелкие: его должны были удовлетворить только громкие государственные деяния. Есть люди идеи, которые стремятся к осуществлению идеалов во имя их нравственной красоты, во имя глубокой потребности принести счастье людям, – к такой породе Потемкин не принадлежал. Но его ум, в союзе с честолюбием, все-таки ознаменовался полезными для государства приобретениями.

Громадные, представлявшие народное достояние, суммы, издержанные на себя князем; бесцеремонное его обращение с казенными деньгами и людьми; созданная им у трона толпа приверженцев и клевретов, жадно расхищавших народное добро, – вот крупные статьи пассива князя. Страшное напряжение сил государства, безрасчетная трата их ради целей своего ненасытного честолюбия тоже отметится большим грехом на Таврическом. Правда, он порой жалел солдат, не хотел, чтобы их много гибло в битвах, допекал своих подчиненных за их хотя и геройские, но стоившие много жизней подвиги; но, с другой стороны, тратя казенные миллионы во время второй войны с турками на балы,любовниц и прихоти, он заставлял “любимых” солдат, которых так жалел, гибнуть от холода и голода.

Его сладострастие, переходившее всякие границы и не щадившее близких родственных уз, выделялось даже среди нравов того развратного общества, в котором он жил. Его надменность была похожа на надменность какого-нибудь восточного деспота, не считающего других даже за людей.

Но натура князя Таврического так сложна, что было бы несправедливо весь его нравственный образ пачкать густой черной краской. В нем положительно встречаются черты, которые кажутся светлыми блестками и во многом противоречат отзывам его хулителей. Развратный, ленивый, валявшийся по целым неделям неодетым на диванах, князь мгновенно преображался: он развивал необыкновенную энергию и деятельность, чтобы потом опять предаться dolce far niente[2]. Страстно приняться за что-нибудь и вскоре остыть было вообще характерно для Потемкина. Привыкший, как восточный сатрап, нежиться на дорогих и мягких подушках, он вдруг мчался днем и ночью по отвратительной дороге, в простой кибитке. Да и рассказы о его необычайной

надменности во многом кажутся преувеличенными: по крайней мере многие говорят, что он проявлял ее главным образом по отношению к знатным сановникам, будучи прост с низшими. Во всяком случае, князь не был мелок и мстителен. Екатерина и другие современники постоянно указывали в нем на эту черту и на благородство по отношению к его многочисленным врагам, которым он не отплачивал жестокостью. Может быть, это объяснялось в князе сознанием своей громадной силы: зачем было ему мелко мстить соперникам, когда он мог устранить их только величественным мановением руки? У князя было столько широких планов, его богатое воображение так часто разыгрывалось, что он мог и не замечать своих мелких неприятелей. Только там, где вопрос стоял о его могуществе и где князь думал, что соперник мог быть ему опасен, тогда только он обрушивался на врага с львиной энергией и сметал его со своей дороги.

Во всяком случае это была необычайная личность, наделенная высокими дарованиями и выросшая на почве “железного” XVIII века, в обществе, не имевшем нравственной узды; личность без нравственной дисциплины, для которой не было иного закона, кроме личного желания и колоссального честолюбия, но большие дарования которой не могли пройти бесследно для страны. Это было стихийное явление природы: ураган, ломавший столетние дубы и оставлявший в целости былинку; гроза со страшным громом и молнией, истреблявшая многое, но и проливавшая порой потоки благодатного дождя, утучнявшего государственную ниву.

Смесь противоположных качеств в характере Потемкина очень ярко очерчена в любопытном портрете князя, набросанном принцем де Линем, который хорошо знал Таврического, долго живя при нем в армии во вторую турецкую войну. Приведем некоторые черты из этого наброска.

“Трусливый за других, – пишет де Линь о князе, – он сам очень храбр: он останавливается под выстрелами и спокойно отдает приказания... Он очень озабочен в ожидании опасности, но веселится среди нее и скучает среди удовольствий. То глубокий философ, искусный министр, великий политик, то десятилетний ребенок. Он вовсе не мстителен, он извиняется в причиненном горе, старается исправить несправедливость. Одной рукой он подает условные знаки женщинам, которые ему нравятся, а другой – набожно крестится. С генералами он говорит о богословии, с архиереями – о войне. Он то гордый сатрап Востока, то любезнейший из придворных Людовика XIV. Под личиной грубости он скрывает очень нежное сердце; он не знает

часов, причудлив в пирах, в отдыхе и во вкусах: как ребенок, всего желает и, как взрослый, умеет от всего отказаться... Легко переносит жару, вечно толкуя о прохладительных ваннах, и любит морозы, вечно кутаясь в шубы...”

Присоединение Крыма с Таманью, округление южных границ России, оживление и заселение пустынной Новороссии, постройки целого ряда городов на юге, основание прочного владычества России на Черном море, постройки обширного флота, – вот главные государственные заслуги князя. Реорганизация войск и облегчение тяжестей солдатской амуниции и одежды тоже должно быть записано в актив Потемкину.

“Греческий проект”, который считается принадлежащим князю, не шутя занимал Екатерину и был пугалом для Европы. Князь считал его вполне осуществимым: удачник и баловень счастья думал, что и на это огромное предприятие хватит у России “пушечного мяса”. Все задуманное и совершенное князем на юге было только преддверием этой грандиозной затеи: завоевать всю Турцию, взять Константинополь, “войти при плесках в храм Софии”, водрузить там крест и образовать из столицы османлисов центр громадного христианского государства. Эти мысли подробно развивались князем в пространных записках императрице, которая жаждала подвигов, долженствовавших прославить ее царствование во все века и у всех народов. Мысли о проекте князь проводил в переписке и разговорах с сановниками, в заседаниях государственного совета и в непрестанных беседах с самой государыней, хотя и обладавшей положительным умом, но иногда склонявшейся к несбыточным планам, льстившим ее достаточно развитому тщеславию. Нужно сказать, что в записках князя этот вопрос ставился широко; в них, казалось, не было упущено ничего, могущего способствовать осуществлению проекта: надежда на общее возмущение угнетенных османами славян, на энергию и беззаветную храбрость русских войск, на возможность избавиться от соревнования держав брошенными им подачками. Что эти мысли сильно занимали саму государыню, видно из ее переписки, разговоров, а также того факта, что родившемуся во время разгара “греческих” мечтаний внуку ее дано было имя Константина и выбита в честь этого события медаль, на которой изображены Софийский храм в Константинополе и Черное море с сияющей над ним звездой. Эта же мысль сквозит и в надписи в честь Потемкина, сделанной на триумфальных воротах в Царском Селе после взятия Очакова, когда князь возвратился в столицу:

Разумеется, в роскошном воображении князя этот проект должен был осуществиться очень скоро: Потемкину в гиперболических мечтах уже грезился ряд городов и военных портов по всему северному побережью Черного моря. Русский флаг гордо развевается на цитаделях крепостей, на многочисленных военных кораблях и торговых судах, плавающих по морю. Корабли проходят беспрепятственно через Дарданеллы и Босфор в Средиземное море, разнося всюду славу Екатерины и русского имени, приобретая родной стране богатства и приводя в почтительный страх соседние страны. На месте пустынь возникают бесчисленные города с великолепными храмами и зданиями, затмевающими своим блеском лучшие архитектурные памятники Европы.

Роскошный, пышный план, достойный своего “великолепного” изобретателя! Однако можно сказать, что хотя много вынес русский народ на своих плечах, но, вероятно, исполнение подобного плана стоило бы ему всех прежних испытаний, взятых вместе. Можно думать, что фантазия князя в этой области значительно остыла, когда ему привелось осуществлять только часть своей широкой программы. Вторая война с турками, где Потемкину самостоятельно пришлось приводить в исполнение только небольшую часть колоссального плана, и то с тяжелыми, страшными усилиями, доказала ему воочию, что гораздо легче выдумывать сказочные проекты, чем осуществлять их на деле.

Но то, что сделано князем в этой области, доказывает дальновидность и широкое понимание им государственных интересов. Бескровное присоединение Тавриды, этого чудного полуострова, с Таманью и стран прикубанских является самой важной заслугой князя перед государством.

Положение России на юге в то время было далеко не так обставлено, как это бы следовало для могущественной державы. Наши границы были отодвинуты от Черного моря значительной своей частью; флот отсутствовал; на устьях Днепра, на Днестре и Буге, по соседству, был целый ряд грозных турецких крепостей. Крым, хотя и освобожденный от сюзеренства Турции по Кучук-Кайнарджийскому миру, на самом деле был еще довольно послушным орудием в руках турецких эмиссаров и во всяком случае грозил нам как союзник Турции в возможной войне с этой последней державой. Нас беспокоили грабежи и разбои буджакских и ногайских татар. Все это делало присоединение Крыма важной государственной необходимостью. Известно, что

присоединение к России этого когда-то нашего грозного врага, благодаря осмотрительной политике и разумным распоряжениям князя, совершилось почти бескровно в 1783 году. Князь, ловко воспользовавшись возникшими неурядицами в Крыму, заставил покровительствуемого нами Шагин-Гирея, путем обещания ему наград и милостей, отречься от своих прав на Крым, который и был присоединен к России, а важнейшие пункты его были заняты русскими войсками. Вместе с тем были усмирены ногайские и буджакские татары, причинявшие нам немало неудобств.

Много внимания было отдано Потемкиным Новороссии, не забывавшим, впрочем, ничего, клонившегося к осуществлению намеченного плана. Князь вел деятельную переписку с нашим посланником в Турции Булгаковым, интересовался положением дел в Молдавии и Валахии и всем, происходившим в подвластных Турции славянских землях. Он заботился и о безопасности русских границ со стороны Кавказа, и о защите их от набегов; вел переговоры о подданстве Грузинского царя Ираклия и т. п.

Но в этом плане округления и укрепления границ наших со стороны Турции многому суждено было исполниться только под конец жизни князя Таврического. Пока же он лишь готовился к этой борьбе с Турцией, о важнейших эпизодах которой мы скажем после. Очаков, Бендеры, Измаил, Аккерман, Анапа и другие пункты, являвшиеся бельмом на глазу у нас, были взяты значительно позже, теперь же необходимо было готовить кадры для гигантской борьбы.

С конца 70-х годов Потемкин проводит долгие месяцы в Новороссии, наезжая только на время в Петербург. Одна из частей его широкой программы осуществлялась с лихорадочной быстротой: основывается ряд городов – Екатеринослав, Николаев, Херсон. Последний, заложенный в 1778 году на устье Днепра, должен был служить верфью, на которой предполагалось строить многочисленные корабли для будущего Черноморского флота. Основывается великолепная гавань – нынешний Севастополь, привлекаются в южный край массы поселенцев, в эти богатые производительными силами земли, но пустынные степи, лишенные обывателей. Хотя, разумеется, и тут далеко не было осуществлено то, что задумывал князь: в главном городе Новороссии, Екатеринославе, пространство которого полагалось в 300 квадратных верст, должны были возникнуть “судилища, наподобие древних базилик”, устроиться лавки вроде “Пропилеи в Афинах”, музыкальная консерватория и др.; но и то, что было сделано, изумляло современников: русских и иностранцев, глазевших во время путешествия Екатерины на диковинки, возникшие как бы по волшебству в пустынной стране. Все эти

чудеса, конечно, рекомендовали энергию и предприимчивость Потемкина. В особенности, князь гордился созданным им Черноморским флотом и просил государыню главным образом обратить на него внимание. “Я, – писал ей Потемкин, – матушка, прошу воззреть на здешнее место (Севастопольская гавань) как на такое, где слава твоя *оригинальная* и где ты не делишься ею с твоими предшественниками; тут не следуешь по стезям другого”.

Создание всех этих чудес в очень короткий промежуток времени стоило громадных жертв. Препятствия, с которыми приходилось бороться при исполнении задуманного, были громадны, но князь был не из таких людей, чтобы становиться перед ними и испугаться жертв. Быть может, небесполезно привести здесь мнение современника об оборотной стороне медали. Французский посланник при нашем дворе, граф Сегюр, приводит отзыв о том, чего стоили эти планы Потемкина. Отзыв принадлежит императору Иосифу II, лично обозревавшему преобразованную князем Новороссию.

“Мы, – говорил император, – в Германии и Франции не смели бы предпринимать того, что здесь делается. Владелец рабов приказывает – рабы работают; им ничего не платят или платят мало; их кормят плохо; они не жалуются...”

Для работ, задуманных Потемкиным, из многих мест родины высылались толпы потребных мастеров, а также на эти работы употребляли местное население и войска. Гигиеническое состояние, питание их и вообще вся обстановка жизни этой армии труда не составляли особенных забот для “светлейшего”. Чума, свирепствовавшая на юге в начале 80-х годов прошлого столетия, выхватывала также немало жертв среди этих людей. И для историка единственным утешением в настоящем случае остается только то обстоятельство, что эти русские кости были подножием далеко не таких бесполезно грандиозных сооружений, как пирамиды египетских фараонов.

В качестве воротилы военной коллегии и специалиста в военном деле, князь еще с первых дней своего возвышения обращал на войска особое внимание. Зная хорошо конницу, он особенно прославился устройством иррегулярной кавалерии; князь образовал много полков из черноморских и донских казаков, которых он был гетманом. “Легкоконные полки”, сформированные им, обращали на себя лестное внимание и государыни, и ее блестящей свиты во время знаменитого путешествия по Тавриде и Новороссии. Хотя справедливость требует сказать, что многие специалисты военного дела, современные князю, осуждали преимущественное внимание его к коннице в ущерб развитию пехоты.

Но что вызывало единогласные похвалы даже ненавистников князя в военных его преобразованиях – это гуманная реформа в области солдатской экипировки. Мы не можем себе представить, какие лишения должен был выносить солдат того времени. Неудобства тяжелого оружия и узкого костюма, так сказать, венчались пыткой от головного убора: волосы было нужно завивать, пудрить, плести косы. Без преувеличения можно сказать, что только богатыри того железного века могли выносить пытку этого ужасного наряда, – совершенно негигиеничного и способствовавшего тому, что солдаты "паршивели".

В известной записке князя сказано много дельного по этому поводу. "На что солдатам пукли? – говорит он, – всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрой, салом, мукой, шпильками и косами".

"Солдаты русские, – говорит племянник князя, – никогда не забудут того, что князь острижением волос избавил их от головных болезней и издержек на пудрение головы". Он же говорит, что Потемкин был озабочен искоренением жестоких наказаний, практиковавшихся в войсках, и являлся в военном деле противником педантизма и "шагистики". Даже известный недоброжелатель Потемкина, находивший для последнего только жесткие слова осуждения, – С. Р. Воронцов хвалит князя за введение удобного и соответствующего климату обмундирования войск. Но эти гуманные реформы Потемкина, введенные, правда, не во всех войсках, как известно, недолго продержались. Император Павел, имевший достаточно поводов ненавидеть князя и желавший истребить всякую память о временщике, отменил его распоряжения. И еще про недавнее николаевское время мы знаем, как тяжело было тогда солдатское житье во всех его подробностях. Только прошедшему гуманному царствованию суждено было изменить в этой сфере порядки в сторону гигиеничности и удобств.

Мы в крупных чертах в этой главе старались обрисовать как характер "великолепного князя", так и те главные деяния, в которых выразился его гений. Но было и еще много вопросов и сфер деятельности, которые захватывались его всемогущим влиянием. Нам не раз еще придется в дальнейшем изложении указывать на черты этой замечательной личности, исполненной резких противоречий, громадных пороков и крупных талантов, – личности, окруженной массой легендарных сказаний, поклонением одних и страшной ненавистью других. Жизнь князя до того необычайна своими эпизодами, его могущество до того подавляло, а роскошь ослепляла, и, наконец, само время, с его людьми и событиями, в которое он жил, настолько

заинтриговывают, что понятным кажется факт появления князя как в русской, так и в иностранной литературах в качестве одного из любимейших персонажей романов и сказаний.

Во всяком случае, повторяем, даже из того, что здесь сказано, видно, что этот человек был совсем не чета другим временщикам, появлявшимся у трона и оставившим память о себе только жадным хватанием царских милостей. Но, кроме того, в личности Потемкина есть много и других интересных подробностей, о которых мы скажем в следующей главе, – вместе с указанием частностей его отношений к государыне, насколько они выясняются из их переписки и рассказов современников.

Глава IV. Могущество, причуды, капризы и романы Потемкина

Власть князя. – Письма к нему Екатерины. – Ничто не обходится без него. – Отношения к государыне. – Обращение с посланниками и знатью. – Анекдот об оригинальной помощи. – Отзывы Гельбига и Ришелье. – Безнаказанность действий князя. – Низкий уровень общества. – Романы князя. – Отношения его к племянницам. – "Надежда безнадежная". – Письма к "Вареньке". – Отрывок из письма С. Р. Воронцова. – Устранение князем счастливых соперников. – Пустота души князя и его пресыщение. – Припадки меланхолии. – "L'enfant gate de Dieu". – Сцена за обедом. – Выходки и причуды. – Эполет в 400 000 рублей. – Забавники у князя. – Рассказ о Спечинском. – Нежелание платить долги. – Часовщик Фази и 1400 рублей

Как мы уже сказали ранее, Потемкин гигантскими шагами шел к беспримерному могуществу и в самое короткое время опередил в доверии и милостях государыни всех ее приближенных. По рассказам современников, как упомянуто выше, он в первые 2 – 3 года своего возвышения получил несколько миллионов рублей на наши деньги и десятки тысяч душ крестьян. И это могущество продолжалось непрерывно почти до самой смерти "великолепного князя": его власти не могли сломить ни время, ни происки многочисленных врагов, ни сила появлявшихся у трона Екатерины новых приближенных. Трудно даже сказать, в какое время значение князя достигло своего апогея: во время ли первых годов его близости к императрице, в последующий ли период, в годы приготовлений к осуществлению "греческого проекта" или тогда, наконец, когда князь томился под стенами Очакова и Измаила. Это могущество тянется широкой ровной полосой до самой смерти Потемкина. Завадовский, Зорич, Ланский, Корсаков, Ермолов и Дмитриев-Мамонов интересовали двор только временно, и деятельность их не могла иметь высокой цены, тогда как на "своего князя" Екатерина надеялась, как на каменную гору, и обращалась к нему за советами по всем делам государственным и своим личным.

Появившаяся за последнее время в исторических журналах обширная переписка Екатерины с Потемкиным ясно говорит о том, как дружелюбно относилась государыня к князю и как высоко ценила его дарования. Есть целый ряд ее записочек к нему, относящихся к первым годам их знакомства. Самый нежный букет изысканно ласковых слов достается на долю князя. В

письмах последующих периодов хотя и слышатся отголоски нежных дружеских чувств, но эти письма уже более солидны и в них трактуется о всех важнейших вопросах современной внешней и внутренней политики. Мы не можем, конечно, приводить многих выдержек из этих интересных исторических документов, – так их много, – но укажем хотя бы на следующее место из письма к Потемкину (1783), когда последний был в Новороссии, озабоченный вопросом о присоединении Крыма и устройством пустынного края, которого он был генерал-губернатором. В это время на юге России свирепствовала чума. Потемкин от усиленных занятий, а также, вероятно, и от беспорядочной жизни опасно заболел. И вот в каких выражениях императрица обращалась к князю о том, чтобы он был осторожнее и берег свое здоровье.

“Всекрайно меня обеспокаивает твоя болезнь, – писала государыня, – я ведаю, как ты не умеешь быть больным и что во время выздоровления никак не бережешься; только сделай милость, вспомни в настоящем случае, что здоровье твое в себе какую важность заключает, благо империи и мою славу добрую; поберегись, ради самого Бога, не пусти мою просьбу мимо ушей, важнейшее предприятие в свете без тебя оборотится ни во что...”

Да не подумает читатель, что подобное письмо является исключением, – нет, почти все они таковы, везде видна забота о здоровье Потемкина, везде надежда на его ум, на светлое соображение и преданность. Обо всем пишет ему государыня: она просит рекомендовать ей людей в сенат, командиров в полки; спрашивает мнение его по польскому вопросу, об Австрии, Пруссии и т. д. Даже вопрос о награждении клобуками архиереев оставляется нерешенным до присылки ответа князя.

В высшей степени трогательны письма Екатерины к князю во время первых месяцев второй турецкой войны и осады Очакова. Престарелая государыня в них дала пример бодрости своего духа подданному. Не знавший до того неудач, баловень счастья, все желания которого исполнялись вскорости, испытывал страшный упадок духа во время медленно и неудачно шедших военных действий. Екатерина обнадеживала его, просила не тужить о потерях и находила массу нежных слов утешения для этого колоссального ребенка.

Из всего этого мы видим, что отношения Екатерины к Потемкину, составлявшие основу его могущества, были так дружески прочны, что их не могло ничто нарушить. Это были отношения людей, которых связывало воспоминание о светлом прошлом и, может быть, об испытанных совместно огорчениях; союз людей, лелеявших сообща широкие планы, знавших

слабости друг друга и умевших взаимно прощать их; дружба монархини с человеком, испытанному уму которого и преданности она доверялась, – с человеком, облагодетельствованным ею и потому питавшему к ней искреннюю благодарность.

О проявлениях могущества князя можно было бы исписать целые тома, – оно было легендарным. После кратковременных размолвок Потемкина с государыней порой многим казалось, что князь терял силу: он удалялся из дворца (хотя его комнаты постоянно оставались за ним), но наступала минута, князь опять являлся во дворец, козни, начатые против него, рушились как будто бы каким-то волшебством, противники его прятались по углам, и он, с надменно поднятой головой, опять царил над приниженной толпой, сгибавшейся перед ним в три погибели. Он устранил и сильных когда-то Орловых, Панина, Чернышева. Даже такой опасный соперник, как богатый, образованный и умный А. Р. Воронцов, постоянно осуждавший за глаза во время отсутствия князя, его проекты, притихал, когда тот появлялся. Сношения с иностранными дворами велись с ведома князя, как и почти все внутренние дела: он противодействовал Пруссии, решал финансовые вопросы (не всегда только с пользой для государства), способствовал примирению Екатерины с “молодым двором” и участвовал в подготовке событий, поведших ко второму разделу Польши. Перед ним лебезил юркий Сегюр, кланялся гордый Гаррис (лорд Мальмсбюри), ухаживали коронованные особы. Он ни с кем не стеснялся: приезжавшие к нему в расшитых золотых мундирах, орденах и лентах иностранные послы встречали князя часто босым, в халате и в страшном, невозможном дезабилье. Это ставило в большое затруднение посланников, олицетворявших собой целые нации и своих повелителей. Юркий Сегюр выпутывался из затруднения тем, что сам начинал амикошонствовать с князем: он подсаживался к нему на диван, хлопал князя по плечу и спрашивал его: “Ah, mon prince! Comment ca va, mon prince?”[3]

Что же касается русских сановников, то с ними великолепный князь еще меньше церемонился. Они постоянно толпились в его приемных, а князь часто к ним и не показывался, – а если и являлся, то в невозможном виде и не говорил ни слова. Немногим он позволял быть с собой на короткой ноге. К числу последних принадлежал и известный Гарновский, ловкий доверенный князя, чудесно обделывавший и его, и собственные дела. Этот мог являться к нему даже в халате, тогда как в то же время пред небрежно валявшимся властелином стояли навытяжку министры и покрытые лаврами побед воины. И часто случалось так, что

князь, при приходе Гарновского, говорил этой раззолоченной толпе:

– Подите вон, нам дело есть!

Иногда обращавшиеся с просьбами к князю люди получали в очень оригинальной форме удовлетворение, доказывавшее могущество князя. Мы приведем здесь рассказ, находящийся в числе известных анекдотов у Пушкина.

Безбородко собирался пожаловаться на напроказившего Ш. государыне. Перепугавшаяся родня бросилась к Потемкину за защитой. Князь велел Ш. быть на другой день у себя и приказал: “Чтоб он со мной был посмелее!” Ш. явился в назначенное время. Потемкин вышел из своего кабинета и молча сел играть в карты. В это время является Безбородко. Князь принимает его как нельзя хуже и продолжает играть. Вдруг он подзывает к себе Ш.

– Скажи, брат, – говорит Потемкин, показывая ему свои карты, – как мне тут сыграть?

– Да мне какое дело, ваша светлость, – отвечал Ш., – играйте, как умеете!

– Ах, мой батюшка, – возразил Потемкин, – и слова нельзя сказать тебе: уж и рассердился!

Выходка подействовала. Безбородко, увидя, что Ш. не церемонится даже с князем, раздумал жаловаться.

Для того чтобы показать, как думали о силе Потемкина современники, приведем мнение о могуществе его двух из них, в достоверности показаний и справедливости взгляда которых нет поводов сомневаться.

“Вся Россия, – говорит Гельбиг, – и соседние государства должны были трепетать при страшной мысли, что судьба целых поколений зависит от каприза этого человека”.

“Положение Потемкина, – писал в 1790 году герцог Ришелье, – превосходит все, что можно вообразить себе в отношении к могуществу безусловному. Он царствует во всем пространстве между горами Кавказа и Дунаем и разделяет власть императрицы в остальной части государства”.

Для Потемкина не существовало ни законов, ни сената, ни министров: уже через 3 – 4 месяца после своего возвышения, он, по сообщению английского дипломата Гуннинга, собственной властью и вопреки сенату распорядился винными откупами невыгодным для казны способом. Не забудем, что свое могущество князь порой неразборчиво употреблял на самые недобросовестные цели. Так, мы знаем, что он взял себе винный откуп, а его доверенный Гарновский без церемонии просил Безбородко, приготовившегося к пересмотру таможенного тарифа, запретить ввоз стекла и изделий из него в Россию. Это бы

дало громадные выгоды Потемкину, которому, как известно, принадлежал стеклянный завод.

Только человек, уверенный в своем могуществе и безнаказанности, мог проделывать то, что делал Потемкин: он брал отовсюду, где хотел, казенные деньги, – ему не смели сопротивляться, – и не давал в них никакого отчета. В Новороссии и Крыму он сам и его генералы раздавали громадные участки земли и даже с населением, находившимся там... Нам понадобилось бы исписать целые тома, чтобы перечислить все то, в чем проявлялась необыкновенная власть князя.

И как отвратительно было то общество, в котором пришлось жить Потемкину и которое наложило на него свой отпечаток! Унижавшееся перед находившимся в силе временщиком, оно бесцеремонно бросало его, едва только замечая собиравшуюся над ним немилость. В “Записках” Энгельгардта встречается следующий рассказ, относящийся к 1783 году. Императрица была недовольна князем, и уже готовились экипажи для его заграничного вояжа. Князь не показывался во дворце, перестал видеться с государыней. Знать перестала бывать у него, а за ней и прочего звания люди, так что Миллионная улица, прежде запруженная экипажами, не оставлявшими места для проезда, была совершенно пуста. Но немилость императрицы продолжалась короткое время: она убедилась в несправедливости наговоров на князя и вернула ему свое благоволение. И опять, через два часа после этого, Миллионную запрудили экипажи, и сотни лиц снова спешили расшаркиваться перед князем... Было бы большим ригоризмом требовать со стороны Потемкина, чтобы он, в свою очередь, не платил надменностью и презрением подобному обществу.

Могущественный, роскошный и богатый, – а в цветущем возрасте и красавец, – князь представлял лакомую приманку для женщин, в особенности для искательниц приключений и тщеславных дочерей Евы, пленявшихся мыслью – приобрести земные блага через привязанность временщика. И действительно, конец XVIII века, так отличавшийся обилием ловеласов и развратниц, имел в нем одного из самых блестящих и счастливых Дон Жуанов. У князя были десятки романов с женщинами всевозможных наций и рангов. Страсть к женщинам, бывшая вместе с честолюбием преобладающей стороной его натуры, не щадила даже родственных связей. Недаром в одной брошюре современного ему автора Потемкин был назван “князем Тьмы”.

В высшей степени интересны отношения князя к его племянницам, урожденным Энгельгардт. Отношения к ним вельможного дяди, являвшегося сенсуалистом до полной

распущенности, были совершенно неплатонического характера. Как известно, эти племянницы были вызваны в Петербург, приближены ко двору и стараниями дяди получили блестящее светское воспитание. Любимейшими из них были – Александра, впоследствии графиня Браницкая, на руках которой и умер Потемкин, и Варвара, впоследствии княгиня Голицына, которую Державин звал “златовласой Пленирой”. Благодаря не особенно нравственной школе дяди племянницы отличались большой даже для того времени распущенностью нрава, так что одну из них, Надежду, сам князь звал “Надежда безнадежная”. Каждая из племянниц благодаря дяде упрочивала свою судьбу и получала богатства. Мы приведем некоторые письма князя к Варваре, из которых увидим как характер их отношений, так и то, какой искусник был князь “в науке страсти нежной” и как его мучила ревностью шустрая племянница. Вот некоторые из этих billet doux[4] Потемкина:

“Прости, mon amour, mon ame, mon tout ce que j'aime!”[5]

“Варенька, когда я люблю тебя до бесконечности, когда мой дух не имеет, опричь тебя, другой пищи, то если ты этому даешь довольную цену; мудрено ли мне верить, когда ты обещала меня любить вечно. Я люблю тебя, душа моя, – а как? Так, как еще никого не любил... Прости, божество милое; я целую всю тебя”.

“Варенька, жизнь моя, ангел мой! Приезжай, голубушка, сударка моя, коли меня любишь...”

“Матушка, Варенька, душа моя, жизнь моя! Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь... Я, идучи от тебя, тебя укладывал и расцеловал и одел шлафроком и одеялом и перекрестил...”

“Варенька, моя жизнь, красавица моя, божество мое; скажи, душа моя, что ты меня любишь, от этого я буду здоров, весел, счастлив и покоен; моя душа, я весь полон тобой, моя красавица. Прощай, целую тебя всю...”

Вот как писал “светлейший” Вареньке, называя ее “губки сладкие” и “улыбочка моя милая”. Но эти “сладкие губки” за каждую свою ласку тянули и деньгами, и подарками, и донимали постоянным, мучительным надоедательством о покровительстве и милостях родным и поклонникам. Эта племянница и другие ее сестры как жадная стая набрасывались на подряды, рекомендовали могущественному дяде подрядчиков и срывали с последних громадные куртажи.

Говоря об отношениях дяди к племянницам, мы должны упомянуть о следующем факте. Семен Романович Воронцов, отправляя свою дочь в начале царствования Александра I в Россию, говорил, что он этого не решился бы сделать при Потемкине.

Кроме романов с племянницами у князя было бесконечное количество других. Даже во время самых тяжелых дней долгой осады Очакова у него, в роскошной землянке, был целый гарем красавиц.

Мы не имеем возможности перечислять всех любовных похождений “великолепного князя Тавриды”. Понятно, что, обладая громадными средствами и могуществом и любя этот спорт, он не знал препятствий в исполнении желаний. Однако хотя многие его панегиристы и говорят, что он оставался красавцем до конца, очаровывая женщин, но всего вернее предположить, что последние толпами набрасывались на “светлейшего” в его даже почтенные годы только потому, что видели в нем источник всех благ, которые так высоко ценятся на земле низменными людьми.

Заканчивая рассказ о любовных приключениях князя, мы должны упомянуть о том, что ревнивый Потемкин не стеснялся устранять счастливых соперников в ухаживании очень неблаговидными средствами. Упомянем об одном из известных примеров мести Потемкина счастливому сопернику. Это майор Щегловский, сосланный в Сибирь за то, что приглянулся какой-то знатной польской панне, за которой ухаживал сам могущественный Дон Жуан.

Однако жизнь, хотя и исполненная внешнего блеска и могущества, но не согретая плодотворным, созидательным и благородным стремлением к определенной цели; жизнь, не освещенная теплым отношением к ближнему; существование, главным стимулом которого является честолюбие, – такая жизнь не способна удовлетворять натуры недюжинные. То же испытал на себе и Потемкин.

Червь честолюбия грыз ему сердце. При его страшной гордости всякое предпочтение, оказанное другому, приводило его в бешенство. Хотя он и был могущественным человеком, но и его пугала порой мысль о возможности изменения его положения. Не зная удержу своим страстям и удовлетворяя все желания, изведав все, что только можно было в области материальных благ, он испытал страшную скуку пресыщения. Власть избаловала его: едва только удовлетворялось одно желание, за ним возникали новые и новые... Несмотря на то, что его окружали толпы подобострастно кланявшихся людей, он чувствовал себя одиноким и в душе своей не находил плодотворной силы, чтобы сносить это тяжелое нравственное одиночество. Его тяготил золотой венец могущества, или, как в прекрасном стихотворении Лермонтова, князь чувствовал, что он

... один,
Как замка мрачного, пустого
Ничтожный властелин...

Хотя у Потемкина и была “железная” натура одного из богатырей прошлого века, но беспорядочная жизнь подтачивала и его крепкое здоровье. А физические недуги еще более усугубляли его порой ужасное нравственное состояние. Немудрено, что могущественный князь, может быть, и казавшийся другим бесконечно счастливым, порой испытывал припадки мрачной хандры и немого отчаяния, в которые к нему боялись подступиться. Или пресыщенный благами жизни вельможа заполнял пустоту своей души невозможными выходками: капризами, причудами и почти юродством.

Во время припадков меланхолии, неумытый, неодетый и нечесаный князь валялся по целым неделям в своей спальне или отдавался глубоким религиозным настроениям. В нем развилось суеверие. “Он воображает, – говорит про религиозность князя де Линь, – что любит Бога, а сам боится дьявола, которого считает сильнее и могущественнее самого Потемкина”.

Князь сам называл себя “l'enfant gate de Dieu”[6]. Иногда на него находила совершенно неожиданно для окружающих тоска. Однажды, например, князь за столом был очень весел, любезен, говорил, шутил, а потом стал задумчив, грустен и сказал: “Может ли человек быть счастливее меня? Все, чего желал я, все прихоти мои исполнялись как будто каким очарованием: хотел чинов и орденов – имею; любил играть – проигрывал суммы несчетные; любил давать праздники – давал великолепные; любил дорогие вещи – имел столько, что ни один честный человек не имеет так много и таких редких; словом, все страсти мои в полной мере выполнялись”. Проговорив это, он бросил фарфоровую тарелку на пол, разбил ее вдребезги, ушел в спальню и заперся там.

Было бы напрасной попыткой передать в кратком очерке обо всех тех выходках и причудах, которыми князь утолял свою тоску и пресыщение: на это бы понадобились фолианты. Будучи гурманом и пресытившись тонкостями иностранной кухни, обжираясь паштетами, трюфелями и ананасами, он иногда чувствовал неодолимую потребность поесть соленых огурцов, редьки, клюквы, капусты. За всеми этими продуктами посылались, даже из-под Очакова, бесчисленные курьеры, скакавшие дни и ночи, загонявшие лошадей и выбивавшие зубы ямщикам для того, чтобы поспеть с какою-нибудь диковинною редькой, икрой или калужским тестом к “светлейшему”. Эти же

курьеры во время войны скакали в Париж или другой какой-нибудь заграничный пункт за покупками башмаков, лент и других безделушек для бесчисленных любимиц князя.

Князь забавлялся с бриллиантами и другими драгоценными камнями, пересыпал их из руки в руку, любуясь их блеском, или раскладывал разнообразными фигурами. В одежде Потемкина замечались резкие переходы: то он ходил в солдатском мундире из грубого сукна, то его платье было страшно тяжело от унизывавших его драгоценностей. Кстати сказать, эта привычка вельмож прошлого времени украшать себя бриллиантами, бывшая сродни азиатской роскоши и нашедшая высшее выражение в одежде – в торжественные дни – Потемкина, справедливо изумляла иностранцев и давала им повод делать о русской знати обидные замечания. До чего был роскошен ассортимент украшений у Потемкина, видно из того, что у него, например, один бриллиантовый эполет стоил 400 000 рублей! Были пуговицы и пряжки на башмаки, стоившие десятки тысяч... Все, что ни делал “великолепный князь Тавриды” – все это было запечатлено роскошью и фантастическим чудачеством, или в лучшем случае – оригинальничаньем. В числе этих забав его были и пиры, о самом знаменитом из которых мы скажем ниже.

При князе дежурил немалый штаб забавников. Были шуты, из которых особенно известен Моссе, забавлявший князя своими выдумками и остротами. Мы уже ранее сказали, что князь возил с собой раскольников и иноверцев и забавлялся их распрями. Он выписал к себе купца из Тулы, отлично игравшего в шахматы. Узнав, что в Херсоне есть чиновник, умеющий хорошо передразнивать известных лиц, князь немедленно выписал его к себе и приказал показать искусство, передразнить и его, князя, а затем отпустил. Мимолетные капризы властелина исполнялись немедленно.

Один из бесчисленных адъютантов князя, Спечинский, живший в Москве и считавшийся в отпуску, получил приказ немедленно явиться к должности, под Очаков. Родственники засуетились: одни боятся немилости “светлейшего”, другие чувствуют неожиданное счастье. Молодой человек, наскоро снарядившись, скачет день и ночь и является в лагерь Потемкина. О нем немедленно докладывают. Князь приказывает явиться. Адъютант с трепетом входит в его палатку и находит Потемкина в постели, со святцами в руках. Между ними происходит следующий диалог:

– Ты, братец мой, адъютант такой-то? – спрашивает князь.

– Точно так, ваша светлость! – отвечает Спечинский, ни жив ни мертв.

– Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть?!

– Точно так.

Потемкин смотрит в святцы и спрашивает:

– Какого же святого празднуют 18 мая?

– Мученика Федота, ваша светлость!

– Так. А 29 сентября?

– Преподобного Кириака.

– Точно. А 5 февраля?

Мученицы Агафьи, ваша светлость.

Потемкин закрыл святцы и закончил аудиенцию словами:

– Ну, поезжай себе домой!

К числу довольно странных выходок князя нужно отнести и то, что, разбрасывая без преувеличения миллионы на пустяки, он не любил платить своих долгов, обижая иногда и очень бедных кредиторов. Так, он не желал уплатить долга часовщику Фази 1400 рублей, и только тогда, когда императрица заступилась за этого швейцарца, князь приказал отдать упомянутую сумму медными деньгами, так что ими пришлось наполнить целые две комнаты. Когда кредитор являлся к князю, последний обыкновенно звал правителя своей канцелярии Попова и, спрашивая, почему долг не отдан, делал условный знак, по которому Попов и судил, уплатить деньги или нет.

В этих капризах и выходках достаточно обрисовывается как могущество Потемкина, так и его больная, пресыщенная душа, жаждавшая избавиться от тоски.

Вскоре князь завершил блестящею феерией свои выходки и удовлетворил страсть к громадному и изумительному. Он, как опытный режиссер, поставил великолепное зрелище. Ареной для этого спектакля служил край, которому князь посвятил свои силы и таланты и где он царил; статистами и актерами – население, собранное из разных пунктов пустынной страны, а зрителями – несколько монархов и блестящая плеяда царедворцев. Мы говорим о знаменитом путешествии Екатерины II в Тавриду и Новороссию, совершенном при блестящей обстановке в 1787 году.

Глава V. Путешествие Екатерины II на юг

Деяния Екатерины. – Шаблонность исторических оценок. – Потемкин – верный и способный помощник государыни. – Его заботы о Новороссии и деятельность. – Причины поездки Екатерины на юг. – Подготовка спектакля Потемкиным. – Блестящий кортеж с коронованными особами. – Подробности спектакля. – Римские галеры. – Хандра князя в Киеве. – Рассказ Черткова о чудесах Потемкина. – Встреча с Понятовским. – Гордый князь целует у Понятовского руку. – Блестящие эскадроны. – Встреча с Иосифом II. – Въезд в Херсон на колеснице. – Крым. – Татарская гвардия. – Стихи в честь князя. – Эффектная сцена в Инкермане. – Отзыв Иосифа о Потемкине. – Ангорские козы. – Симферополь и Карасубазар. – Отзывы Гельбига. – Впечатления поездки. – Благодарность императрицы. – Ее письма

Самая счастливая эпоха, наполненная делами Екатерины, совпадает со временем могущества Потемкина и влиянием его на государыню.

В задачу нашего очерка не входит подробное рассмотрение всех событий того времени и положения европейских держав, но мы должны назвать главные из подвигов Екатерины по внешней политике: завоевание преобладающего значения в Европе, блестящие турецкие войны, шведскую войну, раздел Польши, мирное приобретение Крыма, Тамани и прикубанских стран. Кажется, трудно спорить против того, что главные подвиги Екатерины II относятся больше к области внешней политики. Были, конечно, и значительные внутренние реформы: учреждение губерний, основание государственного банка и прочее. Но наряду с этим, как известно, происходили и явления совсем иного порядка…

Вообще говоря, большинство историков довольствуется во взгляде на историю достаточно шаблонными приемами. Наши взгляды не привыкли еще подробно и верно различать исторические перспективы: при взгляде, например, на Екатерининскую эпоху мы видим блеск знаменитых побед, роскошный двор, умную государыню, и нам кажутся мелкими подробностями темные пятна картины… Если бы историки отрешились от шаблонных манер заполнять картину блеском, а отводили бы законное место и темным пятнам, то можно ручаться, что многие изображения самых знаменитых эпох в

истории утратили бы свой элегантный блеск и радужные краски.

Во всех великих деяниях Екатерины был совершителем или подготовителем великолепный князь Тавриды. Другие громкие деятели начала ее царствования и друзья государыни постепенно сходили со сцены. Панин, Григорий Орлов и Захар Чернышев умерли, и Потемкин все меньше и меньше встречал соперников по способностям и значению.

Князь за свою деятельность вознаграждался баснословно щедро государыней: чинами, деньгами и дворцами, причем Потемкин не стеснялся продавать раз уже полученное, чтобы снова этим завладеть. Так было, как известно, со дворцами Аничковским и Таврическим, дважды ему подаренными. Все русские ордена были уже у него, в том числе и недавно учрежденный орден св. Владимира, которого он был одним из первых кавалеров. В начале 1784 года он был пожалован генерал-фельдмаршалом и президентом военной коллегии, генерал-губернатором Крыма и сделан шефом кавалергардского корпуса. Эти новые звания еще более расширяли сферу власти князя, и так подавлявшего современников своим могуществом. Но главные заботы в начале восьмидесятых годов прошлого столетия “светлейший” посвящал Новороссии и Тавриде, его любимым детищам. Мы уже говорили о том, что присоединение Крыма, Тамани и прикубанской области было величайшей государственной заслугой князя. Он это знал, гордился этим и хотел устройством упомянутых областей докончить начатое. Эти заботы занимали князя долгий срок, что было довольно необычным явлением для “светлейшего”, умевшего выдумывать и начинать гениальные проекты, но у которого не хватало терпения долго заниматься ими и возиться со скучными подробностями исполнения. С начала восьмидесятых годов, как сказано выше, мы видим князя в Крыму и Новороссии, где он развивает кипучую деятельность: строит флот, крепости, организует войска, основывает города, привлекает поселенцев, изредка лишь наезжая в Петербург. Мы уже, говоря о греческом проекте, указали на важность этой деятельности князя, интересовавшей глубоко и императрицу. Эти работы Потемкина уже по одному тому должны были привлекать внимание государыни и современников, что они поглощали громадные суммы, расходовавшиеся князем бесконтрольно. До императрицы доходили слухи о неправильной трате денег и вообще о бесполезности этих работ и деятельности Потемкина, и ей, может быть, частью лично хотелось проверить эти слухи, хотя подобное предположение гадательно. Скорее всего, желание императрицы ехать в Крым и Новороссию возникло отчасти по горячим просьбам князя, хотевшего поразить

государыню созданным им целым царством, отчасти, может быть, по причинам политическим: сделать демонстрацию против Турции и повидаться с монархами соседних стран, а также показать себя народу и узнать страну.

Как бы то ни было, но об этой поездке говорилось в придворных сферах еще в 1784 году. Из писем Екатерины видно, что она собиралась совершить вояж и раньше 1787 года, но боялась чумы, еще не оставившей нашего юга. Эта поездка, наконец состоявшаяся в начале 1787 года и послужившая одной из причин последовавшей затем турецкой войны, была совершена при такой обстановке, которая возможна только или в сказке, или при могуществе Потемкина.

Но прежде чем рассказывать об этом феерическом путешествии, дадим несколько предварительных объяснений. Князь долго подготавливал свой триумф и потратил громадные средства. Он хотел безраздельно пожать лавры за свои деяния и постарался обезопасить себя от некоторых невыгодных для него обстоятельств. Рассказывают, что князь удалил от себя к приезду Екатерины лично известного ей генерала Тутомлина, своего энергичного и талантливого помощника, чтобы он не разделял с ним благодарности повелительницы. Желая, чтобы Румянцев, бывший малороссийским генералом-губернатором, не мог соперничать с ним в блеске приема государыни, Потемкин устроил так, что Задунайскому не отпускали денег, между тем как сам “светлейший” брал их отовсюду.

Князь уже в 1786 году отправился в свое владение для приготовлений к встрече государыни. Императрица, сопровождаемая Мамоновым и блестящей огромной свитой, выехала из Петербурга, или, вернее, из Царского Села, 7 января 1787 года “осмотреть свое маленькое хозяйство”, как она шутливо выражалась. Ее старший и верный приказчик ничего не упустил для того, чтобы представить вверенную ему часть в блестящем виде и достойно встретить хозяйку. С конца 1784 года уже начались деятельные приготовления: Потемкин тогда еще отправлял, может быть, ранее ожидая государыню, бригадиру Синельникову и другим подчиненным ордера с расписанием, где должны были строиться дворцы для государыни, по набросанным “светлейшим” проектам, обеденные столы, станции, на которых повелительница должна была останавливаться. Но главные приготовления на юге происходили уже в присутствии самого князя. Может быть, достаточно уже насоливши местному населению, он старался в это время его задобрить, чтобы императрице представить мирную картину довольных администратором обывателей. В Кременчуге и других городах

“светлейший” давал балы, роскошные пиршества и концерты, собиравшие греков, сербов, молдаван и другие народности, которым импонировал, конечно, блеск, окружавший могущественного сатрапа. Тысячи рабочих, пригнанных из разных областей государства, трудились над созданием Екатеринослава, – города, который в пылких мечтаниях Потемкина должен был возвещать в веках славу “Великой” и превзойти величайшие города Европы, но которому судьба, как бы в насмешку над планом князя, ссудила быть обыкновенным губернским захолустьем, похожим как две капли воды на другие города России. Кременчугу приказано было быть похожим на столицу. Взрывались днепровские пороги, устраивались дороги, дворцы и даже целые города: так возникли Алешки на левом берегу Днепра, против Херсона; еще в октябре 1786 года этого города совсем не существовало, а уже в апреле следующего – он был отстроен, заселен малороссиянами и запорожцами. Были приняты энергичные меры, чтобы в разных местах, через которые проезжала императрица, ее встречали и приветствовали толпы татар, киргизов, нагайцев и туркмен.

Устройство дороги в Крыму через Кизикерман и Перекоп, по которой должен был проследовать царственный кортеж, поручено было полковнику Корсакову при таких инструкциях “светлейшего”: “Сделать богатой рукой, чтобы не уступала римским. Я назову ее Екатерининский путь”. На Днепре строились десятки роскошных галер в римском вкусе, на которых плыло потом 3 тысячи человек. Самая роскошная была для императрицы, “Днепр”, построенная с необычайной пышностью, и “Буг” – для самого виновника этой единственной в своем роде феерии. “Десна” предназначалась для громадной столовой, в которой императрица давала торжественные обеды. Вся история обновления “полуденного края” и приготовление его к встрече государыни напоминает по своей размашистости, великолепию и обилию принесенных жертв затеи римских царей, собиравших дани с целого мира для увековечения пышными затеями своего владычества и воздвигавших постройки, удивлявшие потомков. Мы уже говорили об отзыве императора Иосифа II о произведенных Потемкиным чудесах.

Императрица потому уже должна была прийти в восторг от всего виденного во владениях любимца, что в малороссийском генерал-губернаторстве Румянцева (которого императрица не особенно любила), лишенном колоссальных средств, бывших у Потемкина, видели только обыкновенную, печальную, скромную и серенькую Русь.

Потемкин встретил государыню в Киеве, где она пробыла

довольно долго, частью задерживаемая князем, доканчивавшим приготовления к изумительному спектаклю, которого свидетелем был конец прошлого века. Князь ничего не забыл даже о самых небольших бутафорских вещах: он успевал прослушивать торжественную ораторию, приготовленную к приезду Екатерины известным итальянским капельмейстером Сарти. Сам же "светлейший" собственноручно написал тему, которую должен был развить в своем приветственном слове Екатерине вития, архиепископ Екатеринославский и Таврический Амвросий. На триумфальных воротах в Перекопе по приказанию князя красовалась надпись: "Предпослала страх и привнесла мир".

Рассказывают, впрочем, что во время пребывания в Киеве на князя напал припадок страшной хандры, которая так часто его посещала даже на недосягаемой высоте власти. Он не все время жил во дворце, а пребывал в Печерском монастыре, где его окружала многочисленная толпа льстецов, жаждавшая милостей. Во время этих припадков хандры трудно было подступиться к князю. Он не стеснялся оказывать полное неуважение даже таким лицам, как граф Румянцев. А знатные и чванливые польские паны, прибывшие в Киев и составлявшие оплот русской партии в Польше, выносили от князя страшные грубости.

Но чуть только путешественники вступили в собственные владения князя – его хандра пропала: начался торжественный триумф "светлейшего" и единодушные рукоплескания знатного партнера.

Нужно сказать, что враги и завистники князя нашептывали Екатерине недобрые речи. Они говорили, что громадные суммы, взятые князем из казны, издержаны на личные его прихоти, что никакого флота, городов, крепостей в краю нет и что это приобретение, которым гордился князь, стоило мало и в государственном смысле. И тем приятнее государыне было убедиться, что все это оказалось напраслиной, возведенной на "дорогого ученика" Екатерины, как называла она князя.

Много есть в литературе рассказов о впечатлении, произведенном на современников чудесами Потемкина. Мы приведем только из записок Гарновского сообщение Черткова – человека, не способного к бесшабашной лести.

"Я был с его светлостью, – рассказывает Чертков, – в Тавриде, Херсоне и Кременчуге месяца за два до приезда туда Ее Величества. Нигде ничего там не было отменного; словом, я сожалел, что он позвал туда государыню по-пустому. Приехал с ней, Бог знает, что там за чудеса явились. Черт знает, откуда явились строения, войска, людство, татарва, одетая прекрасно, казаки, корабли... Какое изобилие в яствах, напитках, словом, во

всем, – ну, знаешь, – так что придумать нельзя, чтобы пересказать порядочно. Я иногда ходил, как во сне, право, как сонный – сам себе не верил ни в чем, щупал себя: я ли? где я? не мечту ли, не привидение ли вижу? Ну, надобно правду сказать: ему, ему только одному можно такие дела делать, и когда он успел все это сделать?”

Только чародей Потемкин мог проделывать такие вещи.

Мы должны отметить некоторые подробности этого знаменитого путешествия, последствием которого был окончательный разрыв наш с Турцией.

Громадная флотилия галер двигалась торжественно по Днепру, окруженная со всех сторон шлюпками и челноками. В некоторых наиболее живописных местах путники останавливались. Осматривали берега, по которым толпился по-праздничному разодетый народ, где стреляли из пушек, происходили маневры казаков, фейерверки. В Каневе состоялось свидание Екатерины с польским королем, причем современники отметили интересный факт для гордого и могущественного Потемкина. При встрече со Станиславом Понятовским князь поцеловал у него руку! Это объясняли тем, что в то время у временщика, может быть, возникло неустойчивое желание получить польскую корону, а так как по законам польским королем мог быть только гражданин этого государства и подданный его, то целованием руки у Станислава Августа Потемкин торжественно свидетельствовал свои чувства к Польше. Как бы то ни было, но польский король и Потемкин расстались друзьями, и могущество временщика видно уже из того факта, что многие, посвященные в дела политические, современники приписывали добрым чувствам князя к Понятовскому то обстоятельство, что последний еще несколько лет продержался на троне.

С Кременчуга началось полное торжество Потемкина: с этого города сразу бросалась в глаза разница с только что оставленным малорусским наместничеством и, в особенности, в устройстве военной части. Сомнения, внушенные государыне насчет “легкоконных” полков, сформированных “светлейшим”, сразу рассеялись, когда Екатерина, высадившись в Кременчуге, увидела 60 или 70 блестящих эскадронов, мчавшихся в карьер навстречу своей повелительнице.

– О, как люди злы! – сказала она, указывая на бравую конницу, князю де Линю, сопровождавшему в числе других дипломатов государыню. – Как им хотелось обмануть меня!

Для императрицы в Кременчуге было приготовлено великолепное помещение с прекрасным садом. Письма Екатерины

к невестке и другим лицам были восторженны: государыня очаровалась всем виденным уже на полдороге, между тем как дальше, в Крыму, ее ожидали еще большие чудеса. За Кременчугом Екатерина встретилась с императором Иосифом II, путешествовавшим под именем графа Фалькенштейна, и блестящий кортеж включил еще новую царственную особу. Хотя Иосиф II и был строгим критиком Екатерины и, в особенности, Потемкина, но и он был побежден многим из увиденного.

Мы не можем следить подробно за этой увеселительной поездкой Екатерины, но должны отметить ее наиболее интересные дальнейшие моменты. В Херсон Екатерина въехала в великолепной колеснице, в которой сидела с Иосифом II и Потемкиным. Крепость, арсенал с множеством пушек, три готовых на верфях корабля, несколько церквей, красивые здания, купеческие суда в порту – вот что увидели изумленные путники на месте, где 7 – 8 лет перед тем была лишь пустынная степь. Восторг государыни не знал пределов, хотя ее, так сказать, ввезли в этот город “парадным ходом”, между тем как Иосиф II и другие спутники ее, шныряя по закоулкам города и осматривая все, находили недостатки в исполнении фортификационных работ, в постройке кораблей и т. д.

Чудная природа Крыма, великолепное Черное море, ласкающий, нежащий воздух, роскошные горные панорамы еще сильнее подействовали на государыню. Ее письма отсюда к Гримму и другим лицам полны дифирамбов волшебнику Потемкину. В Бахчисарае она написала похвальные французские стихи в честь князя, рифмы и достоинства которых не соответствовали высокому положению автора. Со времени въезда в Тавриду экипаж Екатерины окружала блестящая татарская гвардия, составленная Потемкиным из родовитых мурз. Их яркие костюмы и джигитовка приводили в восторг даже скептика Иосифа П. Но, кажется, самое эффектное зрелище было в Инкермане. В специально построенном для императрицы дворце во время обеда вдруг отдернули занавес, закрывавший вид с балкона; как бы по мановению волшебного жезла мурзы и казаки рассыпались в стороны, и зрители увидели великолепную Севастопольскую гавань, где стояли десятки больших и малых кораблей, – зачаток славного Черноморского флота. Открылась пальба из всех пушек. Екатерина сияющая, с огненным взглядом провозглашала тосты. После обеда государыня вместе с Иосифом II поехала в Севастополь на особой шлюпке, заказанной специально Потемкиным в Константинополе и совершенно сходной с султанской. Иосиф II был в восхищении от гавани и пророчил ей великую будущность. И вот что он писал после этого:

“Императрица в восторге от такого приращения сил России. Князь Потемкин в настоящее время всемогущ, и нельзя вообразить себе, как все за ним ухаживают”. В числе этих ухаживателей был и сам царственный корреспондент. Для проезда из Севастополя по Байдарской долине, тогда почти целиком принадлежавшей Потемкину, была также устроена новая дорога. Нужно сказать, что князь порой не особенно церемонился с гостями. Он непременно хотел показать им в одном из своих имений двух ангорских коз необычайной красоты и повез знатных путешественников по такой убийственной дороге, что придворные экипажи оказались значительно попорченными. В Акмечети (Симферополе) путники увидели сад в английском вкусе, который все-таки успел развести князь, а в Карасубазаре, где он имел прекрасный дворец, окруженный садом, с фонтанами и искусственными водопадами, и где успел также построить дворец и для императрицы, – все были изумлены сказочным фейерверком из 300 тысяч ракет.

Вот при какой фантастически-роскошной обстановке путешествовала Екатерина. Все это невольно напоминает нам рассказы из “Тысячи и одной ночи”.

Но наряду с панегиристами князя были и совершенные антиподы во взгляде на его деятельность и это сказочное путешествие. Неоспоримый факт, что многое в упомянутой обстановке было показное и достигнуто лишь большими жертвами. Но некоторые суровые критики “светлейшего”, к числу которых принадлежит, например, Гельбиг, рассказывают совершенно невероятные вещи: что большая часть селений, показанных на пути императрицы, были не что иное, как театральные декорации. Ей показывали несколько раз одно и то же огромное стадо скота, которое по ночам перегоняли с места на место. Вместо муки в мешках, в интендантских складах был песок и, наконец, благодаря полицейским распоряжениям, толпы людей, пригнанных издалека, украшали дорогу, по которой ехала государыня. Весьма возможно, что кое-что в ходивших рассказах и было справедливо, в особенности последнее – о “сгоне” народа. Но многое в этих рассказах, представляющее “светлейшего” только ловким шарлатаном, не может никаким образом считаться справедливым. Правда, были несомненно грустные факты: выселение татар в Турцию, запустение великолепных садов, посаженных по велениям князя, болезни и прочее. Было много широких неисполнимых начинаний, заброшенных князем (вроде знаменитого собора в Екатеринославе, который должен был на “аршинчик” превзойти вышиной могучего Петра в Риме); но все-таки нужна была его энергия, фантазия, ум и способности, нужно

было, наконец, могущество князя, чтобы сделать то хорошее, что действительно было сделано в недавно еще управляемом им крае.

Громадные награды и наименование “Таврический” были уделом князя после отъезда государыни, с которой он расстался в Харькове.

Долго еще отголоски этого путешествия звучали в России и Европе. Екатерину сопровождали многие посланники, и они в своих письмах разнесли по всем странам вести о могуществе и великолепии князя Тавриды. Но лучшею наградой ему были письма государыни, которая долго не могла забыть виденного.

“А мы здесь чванимся, – пишет она князю на возвратном пути из села Коломенского, – ездой и Тавридой, и тамошними генерал-губернаторскими распоряжениями, кои добры без конца и во всех частях”.

Из Твери: “Я тебя и службу твою, исходящую из чистого усердия, весьма, весьма люблю, и сам ты – бесценный; сие я говорю и думаю ежедневно”.

Из Царского Села: “Друг мой сердечный, Григорий Александрович! Третьего дня закончили мы свое шеститысячеверстное путешествие и с того часа упражняемся в рассказах о прелестном положении места Вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении и усердии, и попечении, и порядке, Вами устроенном повсюду, и так, друг мой, разговоры наши, почти непрестанные, замыкают в себе либо прямо, либо сбоку твое имя, либо твою работу”.

Эти письма достаточно ясно рисуют как воспоминания Екатерины о пережитых впечатлениях во время вояжа, так и ее искреннюю и глубокую благодарность к старому другу.

Но за этой, начавшейся тяжелым прологом работ, поглотившей немалые жертвы людьми и деньгами, веселой и великолепной поездкой Екатерины последовал трагический, кровавый финал: новая война с Турцией, в которой Потемкину пришлось играть роль полководца. И мы видим, что этот баловень счастья, почти не знавший неудач и все легко приводивший в исполнение, при неуспешном начале кампании испытывал страшное уныние и готов был отказаться от многого, что, несомненно, составляло его лучшие дела.

Утомило ли бремя лет “светлейшего” и парализовало его душевные силы, или он начал ясно понимать неосуществимость своего широкого плана, но только мы видим, что Потемкин в первые месяцы войны обнаруживал страшную нерешительность и отчаяние. И тогда нам представляется трогательное зрелище: Екатерина, старая годами, но бодрая духом, в ласковых задушевных письмах вливает свежую энергию в душу тоскующего

и отчаявшегося громадного ребенка, – как называли Потемкина некоторые современники.

Глава VI. Очаков, Петербург и Измаил

Отношения с Турцией. – Манифест о войне. – Первые неудачи. – Отчаяние князя. – Ободряющие письма государыни. – Первые успехи. – Приказ эскадре Войновича. – Победа при Кинбурне. – Нетерпение по поводу Очакова. – Князь жалеет солдат. – Байрон о Потемкине. – Пиры князя. – Штурм Очакова. – Лютый мороз. – Громадная добыча. – Радость по поводу взятия Очакова. – Пышная встреча князя. – Стихи Екатерины. – Проявления силы князя. – Выезд из Петербурга. – Знаменитые победы. – Роскошь Потемкина. – "Тебе, Бога, хвалим" с пушками. – Новый роман старого селадона. – Переговоры о мире. – Сцены в ставке князя. – Письмо Чернышева. – Штурм Измаила

Наши отношения с Турцией давно уже были натянутыми. Потеря Крыма и других владений на берегах Черного моря, демонстративная деятельность и нескрываемые планы Потемкина, организовавшего армию, строившего флот, собравшего массу артиллерийских снарядов и оружия во вверенной ему стране, – все это раздражало турок. А путешествие Екатерины принято было за вызов. Послы иностранных держав – английский, французский, прусский, кроме представителя нашего союзника Иосифа II, которым было неприятно возвышение России и возможность завладения Черным морем и Константинополем, – поддерживали задор турецкого правительства. Все это не могло привести к мирным отношениям, и 13 августа 1787 года, вскоре после отъезда Екатерины, наш посланник в Константинополе, Булгаков, был заключен в Семибашенный замок, а 7 сентября того же года последовал манифест о разрыве с Турцией. Началась война, сначала печальная для Потемкина, но потом завершившаяся блистательными делами: взятием Очакова, Фокшанами, Рымником, Мачином и кровопролитным, почти беспримерным в военной истории штурмом и взятием неприступной твердыни Измаила. Из секретного рескрипта Екатерины к Потемкину, относящемуся еще к концу 1786 года, видно, какими громадными полномочиями снабжался князь в вопросе отношений с турками; ему предназначалась главная роль как в ведении войны, так и в зачине военных действий. Нашему послу Булгакову было предписано представлять донесения как императрице, так и Потемкину, с инструкциями которого посол должен был сообразоваться. Без преувеличения можно сказать,

что главным образом от Потемкина зависело, начинать эту войну или предотвратить ее искусной политикой или соответственными уступками. Показав блистательное состояние края государыне и ее спутникам и, может быть, сначала сам уверенный в своих силах, он, однако, когда опасность оказалась близкой, стал сомневаться в быстрой успешности кампании. Из писем и разговоров князя с императрицей видно, что ему хотелось продлить наш мир с Турцией, чтобы докончить организацию флота и армии. И осуждение истории, может быть, падет на князя за то, что он, даже сам сомневавшийся в своей готовности, действовал, однако, вызывающе и таким образом дал туркам возможность воспользоваться нашей оплошностью.

Как бы то ни было, война началась, и первые ее шаги оправдывали взгляды скептиков-современников на деятельность "светлейшего": у него количество войск и их вооружение оказались в блестящем виде больше на бумаге, чем в действительности: не хватало ни снарядов, ни провианта, ни годных для флота людей.

Из писем Потемкина при начале войны видно, какой упадок духа он испытывал и какое отчаяние им овладевало. Вызвав к жизни колоссальный греческий проект, он при самом начале осуществления этого плана стал сомневаться в его успешности. Князь хотел сдать начальство над войсками Румянцеву, командовавшему украинской армией, приехать в Петербург, удалиться от дел и жить частным человеком; доходило даже до того, что он предлагал вывести войска из Крыма и таким образом почти уступить блестящее свое приобретение Турции. Все эти душевные движения были вполне в характере князя: горячий и пылкий, он мог наметить громадный план; мог приводить его в исполнение, когда приходилось тратить колоссальные средства и жертвы безответными людьми родины, давно уже тогда привыкшей приносить их. Но неодолимое упорное препятствие, которого он был не в состоянии победить, сначала приводило его в бешенство и раздражение, а потом сменялось глубокой горестью и апатией. Тогда он мог только служить молебны и почти плакать в своих письмах к государыне. Может быть, тут уже сказывались и почтенные годы князя, которому жизнь от пресыщения могла казаться тяжелой обузой, и ничто его уже не способно было горячо занимать. Екатерине, как мы говорили, приходилось вливать бодрость духа в этого колоссального ребенка. "Оставь унылую мысль, ободри свой дух", – пишет ему испытанный друг. После отчаянного письма "светлейшего" о страшном вреде, принесенном бурей эскадре Войновича, постройка которой стоила стольких забот наместнику и стольких жертв родине, она пишет:

“Сколько буря была вредна нам, авось либо столько же была вредна и неприятелю; неужели, что ветер дул лишь на нас?.. Ты упоминаешь о том, чтобы вывести войска из полуострова... Я надеюсь, что сие от тебя письмо было в первом движении, когда ты мыслил, что весь флот пропал... Приписываю сие чрезмерной твоей чувствительности и горячему усердию; прошу ободриться и подумать, что добрый дух и неудачу поправить может. Все сие пишу к тебе, наилучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и более еще имеет расположения, чем я сама, но на сей случай я бодрее тебя, понеже ты болен, а я – здорова... Ни время, ни отдаленность и ничто на свете не переменят мой образ мыслей к тебе и о тебе...”

Императрица не теряла веры в Потемкина и все повторяла, что был бы лишь князь здоров, тогда все пойдет ладно.

Так задушевно писала государыня к отчаявшемуся князю, и такие письма должны были пробуждать в нем бодрость духа.

Скоро, впрочем, дела настолько поправились, что ненавистники князя должны были умолкнуть.

Мы не можем подробно следить за этой войною, что завело бы нас далеко за специальные пределы очерка. Но мы должны отметить ее главнейшие эпизоды, обрисовывающие положение дела, а также представляющие дополнительные черты к обрисованному нами в главных контурах характеру полководца.

Отметим прежде всего отношение к войне главных персонажей – Потемкина и Екатерины. Потемкин, надеясь на свой Черноморский флот, приказал контр-адмиралу Войновичу “произвести дело – хотя бы всем погибнуть”, – сказано в его ордере, – “но должно показать свою неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявить всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всем пропадать...” А императрица, после того как получила от князя известие о намерении его покинуть армию, выражалась таким образом: “Честь моя и собственная княжая требуют, чтобы он не удалялся в нынешнем году из армии, не сделав какого-либо славного дела, хотя бы Очаков взяли...”

Эскадру Войновича, как некогда знаменитую армаду Филиппа II испанского, истребили не враги, а бури. Этот печальный эпизод, как мы уже знаем, страшно поразил князя. Его отчаяние было видно из писем к императрице. Но потом произошли события, которые немного излечили Потемкина от хандры. Несколько удачных морских стычек поправили славу Черноморского флота, а неудачное нападение турок на Кинбурн, отраженное победоносным Суворовым, превратилось для нападавших в настоящее поражение. Надежды “светлейшего”

воскресли. Но все-таки его оборонительные действия и отсутствие наступательных приводили всех в недоумение. Цель кампании 1787 года – завладение Очаковым – не достигалась: сначала и сам Потемкин и его доброжелательница полагали, что Очаковым придется овладеть скоро, но он продержался до конца 1788 года. Государыня обнаруживала страшное нетерпение и во многих письмах спрашивала: “Скоро ли сдастся Очаков?” Многие не понимали, почему Потемкин долго не решался на штурм этой крепости. Он объяснял это желанием не терять людей в отчаянном приступе, а довести крепость до сдачи блокадою.

В этом случае обнаружилась интересная черта в Потемкине. Сам несомненно храбрый и несколько раз рисковавший жизнью во время первого года этой кампании (около него свистели пули и падали ядра), он выражал искреннюю скорбь при гибели солдат. Может быть, тут сказались черты пресыщенного, изнеженного сибарита, нервы которого коробило страдание, происходившее на его глазах. Этот человек, который во исполнение своих гигантских мирных планов, распоряжаясь ими издали, уложил десятки тысяч людей, теперь жалел около себя сотни солдат и допекал гения войны – Суворова – за его смелые выходки, стоившие больших уронов.

Вот чудный куплет из байроновского “Дон Жуана” о Потемкине:

Тогда жил муж, по силе Геркулес,
Судьбою беспримерно отличенный.
Как метеор, блеснул он и исчез,
Внезапною болезнью пораженный,
Один в степи под куполом небес…

И этот человек, разоривший ради осуществления гигантских планов, внушенных колоссальным честолюбием, целую страну, затруднялся потерей сотен солдат при осуществлении начала своего громадного греческого проекта. Следует добавить, однако, для освещения характера Потемкина, богатого противоречиями, что и в тяжелые дни осады Очакова для развлечения скучавшего сатрапа в его главной квартире около роскошно убранной ставки гремел каждый вечер громадный оркестр под управлением Сарти, устраивались пиры и праздники – folle journee[7], тянувшиеся недели и месяцы.

Однако медлить долго было нельзя: в Петербурге недоброжелатели князя громко говорили о его промахах, и сама императрица высказывала неудовольствие. Потемкин должен был решиться на штурм Очакова – и он решился. Князь обещал

солдатам всю добычу (даже пушки и казну), которая будет взята в крепости. После страшного кровопролития Очаков был взят 6 декабря 1788 года. Стоял лютый мороз, и, по преданию, кровь, лившаяся из ран, моментально застывала. Рассказывают, что Потемкин во все время штурма, решавшего судьбу его славы, сидел на батарее, подперши голову рукой и повторяя постоянно: “Господи, помилуй!” Грабеж и кровопролитие в городе продолжались три дня. Добыча была громадна. На долю Потемкина, между прочим, достался великолепный изумруд, величиной с куриное яйцо, который он подарил государыне.

Известие о взятии Очакова произвело потрясающее действие в Петербурге: враги Потемкина должны были прикусить языки, а императрица возликовала: ее надежды на “друга и ученика” оправдались – он пристыдил своих врагов! “За ушки взяв обеими руками”, – писала Екатерина Потемкину после получения известия о взятии Очакова, – “мысленно тебя целую, друг мой сердечный... Всем ты рты закрыл, и сим благополучным случаем доставляется тебе еще способ оказать великодушие слепо и ветрено тебя осуждающим!” Забыты были все огорчения, страшные жертвы, тысячи погибших солдат, и честь князя и его повелительницы была спасена.

После взятия Очакова князь, прожив некоторое время в Херсоне для распоряжений по части кораблестроения, отправился в Петербург. Вероятно, триумф Мария после победы над кимврами и тевтонами не был более великолепен, чем “светлейшего”.

В Петербурге готовились к пышным торжествам, ожидая князя. Последовали распоряжения об иллюминации в Царском Селе мраморных ворот, об украшении их арматурами и подписью из оды Петрова: “Ты с плеском внидешь в храм Софии!” Екатерина была уверена в дальнейших быстрых успехах Потемкина. “Он будет в нынешнем году в Царьграде”, – говорила она Храповицкому.

Царственная поэтесса к приезду князя написала стихи в честь покорителя Очакова:

О пали, пали – с звуком, с треском
Пешец и всадник, конь и флот!
И сам – со громким верных плеском —
Очаков – силы их оплот!
Расторглись крепки днесь заклепны,
Сам Буг и Днепр хвалу рекут.
Струи Днепра великолепны
Шумняе в море потекут.

Сохранилось много воспоминаний об этой поездке героя Очакова, рисующих как интересные бытовые черты того времени, так и то униженное поклонение, которое проявляли все в России по отношению к могущественному князю. В городах, в дни ожидания “светлейшего”, по целым суткам звонили в колокола, огромные толпы народа выходили далеко на дорогу для встречи его; все власти,с губернатора до мелких чиновников, затянутые в мундиры, трепетно ждали князя. А он, могущественный сатрап, проходил среди этой раззолоченной, склонявшейся перед ним толпы, небрежно, не говоря ни с кем ни слова и часто не отвечая даже кивком головы на подобострастные поклоны окружающих.

В воспоминаниях одного современника, видевшего в эту поездку князя в Харькове, рассказывается:

“На другой, по приезду, праздничный день ожидали князя в собор. Светлейший пришел уже после “Достойно” и остановился не на приготовленном для него седалище под балдахином, а с правой стороны амвона, посреди церкви; взглянул вверх, во все четыре конца. “Церковь недурна”, – сказал он вслух губернатору Кишенскому, вслед за тем одной рукой взял из кармана и нюхнул табаку, другой вынул что-то из другого кармана, бросил в рот и жевал; еще взглянул вверх; царские врата отворялись; повернулся в экипаж и уехал. Был он с ног до головы в таком виде: в бархатных широких сапогах, в венгерке, крытой малиновым бархатом с собольей опушкой, в большой шубе, крытой шелком, с белой шалью около шеи, с лицом, по-видимому, неумытым, белым и полным, но более болезненным, чем свежим, с растрепанными волосами на голове; показался мне Голиафом”.

“Голиаф” прибыл в Петербург 4 февраля 1789 года вечером, по иллюминированному пути от Царского Села до самой столицы, и занял свое обычное помещение в Эрмитаже. Екатерина, желая особенно почтить князя Таврического, предупредила его представление и сама первая посетила его. Не будем говорить о том, какие сцены тогда происходили в Петербурге и какое могущество представлял князь, заслонивший своей колоссальной фигурой мелкую придворную толпу. В честь “светлейшего” давали балы, и весь город перебывал у него с нижайшими поклонами. Еще раньше он получил за Очаков Георгия I степени, – отличие, дававшееся обыкновенно только высочайшим особам; но теперь на него вновь пролились неслыханные награды от благодарной императрицы.

Во всем была видна могучая рука Потемкина за это время пребывания его в Петербурге: в ходе дел с Швецией, Польшей и

Пруссией. Его влияние на государыню и доверие последней к победоносному вождю выразились яснее всего в том факте, что Потемкину были поручены обе армии: украинская – Румянцева и екатеринославская, так что он явился полководцем всех военных сил на юге и юго-западе. Знаменитый и несправедливо обиженный Задунайский уехал в свою малороссийскую деревню.

Потемкин выехал из Петербурга 5 мая 1789 года. Он не предчувствовал, что это пребывание в столице являлось последним триумфом и что скоро его звезда должна была померкнуть. Но он уезжал как триумфатор, могущественный более чем когда-нибудь, сопровождаемый на пунктах своих остановок ласковыми, задушевными письмами императрицы, жалевшей о его нездоровье и надеявшейся на его дальнейшие подвиги, долженствовавшие возвестить всему миру о “Минерве” и ее достойном сподвижнике. Посылая ему, например, медали с его портретом, она писала: “Я в них любовалась как на образ твой, так и на дела того человека, в котором я никак не ошиблась, зная его усердие и рвение ко мне и к общему делу, совокупленно с отличными дарованиями души и сердца”.

Этот год, 1789, как известно, ознаменовался блестящими военными делами русских армий на юге: взятием Бендер, Фокшанами, занятием Аккермана и знаменитой победой Суворова при Рымнике. Мы должны отметить то обстоятельство, что князь оказался благородным и благодарным по отношению к Суворову, хотя впоследствии между ними происходили размолвки. Он писал Суворову: “Объемлю тебя лобызанием, искренними и крупными словами свидетельствую свою благодарность!” Он просил Екатерину наградить знаменитого полководца беспримерно щедро.

Крупные дела делали для Потемкина его талантливые полководцы: Суворов, князь Репнин, Ушаков и другие, а сам “светлейший” провел часть кампании 1789 и почти всего 1790 годов вдали от военных действий. Он жил в Дубоссарах, а затем в Яссах и Бендерах. Ставка его была необычайно великолепна, вокруг нее был посажен полковником Бауэром сад в английском вкусе. На полях битв лилась кровь, раздавались стоны и свирепые крики, а у князя царили невиданные роскошь и веселье. Сарти с двумя хорами музыки ежедневно забавлял публику. Около Потемкина вился рой красавиц, ставились балеты, происходили балы, праздники, театральные представления. Сарти положил на музыку победную песню: “Тебе, Бога, хвалим” – и к ней была прилажена батарея из десяти пушек, которая по знакам стреляла в такт, а когда пели “Свят, свят”, тогда из орудий производилась скорострельная пальба. Музыка во вкусе “светлейшего”!

К этому времени относится крайне интересный роман Потемкина, этого пятидесятилетнего селадона, пылкость чувств которого не остывала с годами. Но этот роман, кажется, не отличался теми грубыми реалистическими чертами, как прежние похождения князя. Может быть, утомленная и пресыщенная наслаждениями душа князя жаждала теперь платонического, идеального, что проглядывает в переписке его с новой избранницей. Это была Прасковья Андреевна Потемкина, жена внучатого брата "светлейшего", П. С. Потемкина, урожденная Закревская. Замечательная красавица, она зажгла такое пылкое пламя в сердце "светлейшего", что он, наполненный этой привязанностью, все забывал: и славу, и дела, и кровавые сцены войны. Вот коротенькие выдержки из посланий князя к этой женщине, все письма к которой были одинаково горячи и восторженны.

"Жизнь моя, – писал старый грешник, – душа общая со мною! Как мне изъяснить словами мою к тебе любовь, когда меня влечет к тебе непонятная сила, и потому я заключаю, что наши души с тобою сродны... Нет минуты, моя небесная красота, чтобы ты выходила у меня из памяти! Утеха моя и сокровище мое бесценное, – ты дар Божий для меня... Из твоих прелестей неописанных состоит мой экстазис, в котором я вижу тебя перед собой... Ты мой цвет, украшающий род человеческий, прекрасное творение... О если бы я мог изобразить чувства души моей о тебе!"

Вот каким пылким и нежным Ромео бывал этот страшный человек, заставлявший трепетать перед собой народы! Мы утомили бы читателя перечислением благодарственных писем императрицы к князю, всех наград, почестей, подарков, сыпавшихся на него в это время. Упомянем лишь о стоившем огромных сумм бриллиантовом лавровом венке, присланном Екатериной Потемкину за занятие Бендер. Это были необычайные милости, и это время представляло, кажется, апогей могущества и славы великолепного князя Тавриды.

Но уже в письмах государыни можно было бы усмотреть и маленькую черную тучку, которая постепенно разрослась в грозную для князя тучу...

Несмотря на то, что князя ждали в Петербурге по окончании осенних военных действий и для него были приготовлены великолепные апартаменты во дворце, он, однако, не поехал в столицу в 1789 году.

Хотя победы кампании этого года и были блестящи, но положение войска и разоренной страны являлось таким тяжелым, что Потемкин не скрывал уже сам этого перед государыней,

которая начинала думать о мире. И 1790 год был посвящен переговорам об этом. Зимой 1789 – 90 годов военных действий не происходило, а князь проживал, как мы сказали ранее, с невиданною роскошью в Яссах, а затем в Бендерах, где у него дежурил целый штаб красавиц: Потемкина, де Витт, Гагарина, Долгорукая и другие. Тут-то происходили те гомерические пиры и безумно расточительные выходки князя, удивлявшие современников, и легендарные сказания о которых перешли к потомству. Здесь гремел оркестр Сарти из 300 человек, грохотали орудия при тостах за красавиц, раздавались дамам во время десерта целыми ложками бриллианты. Ухаживая за Гагариной, князь, по причине ее беременности, обещал этому новому предмету страсти собрать мирный конгресс в ее спальне. Отсюда летали курьеры за башмаками и лентами для дам в Париж. Здесь же раз произошла сцена, испугавшая присутствовавших. Слишком вольно обращавшийся с женщинами Потемкин однажды после обеда у себя, в большом обществе, схватил княгиню Гагарину за талию, та ответила ему пощечиной. Взбешенный сатрап встал и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Гости похолодели от ужаса. Но у князя нашлось достаточно такта, чтобы отнестись к этому как к невинной шутке: немного погодя он, улыбающийся, вышел из кабинета и преподнес Гагариной в знак примирения дорогую безделушку.

Приведем, кстати, рассказ о происшедшей здесь же сцене, характеризующей заносчивость и грубость, порой обнаруживавшиеся в князе при совсем неподобающей обстановке и даже с лицами, за женами которых он ухаживал. Потемкин как-то за парадным обедом стал бранить одного из своих генералов – Кречетникова, – а князь Долгорукий защищал бранимого. “Светлейший” до того рассердился, что схватил Долгорукого за Георгиевский крест, стал его дергать и сказал:

– Как ты смеешь защищать его? Ты, которому я из милости дал сей орден, когда ты во время Очаковского штурма струсил!

Встав из-за стола, князь, однако, вскоре подошел к находившимся тут австрийским генералам и сказал:

– Извините, господа, я забылся! Я с ним обошелся так, как он заслуживает.

Страшно чувственный князь не довольствовался имевшимся у него в ставке гаремом красавиц: ему нужны были новые и новые, как Дон Жуану, жертвы. Вот, например, характерная выдержка из письма (относящегося к более позднему времени) графа Чернышева из лагеря под Измаилом:

“Кроме общественных балов, бывающих еженедельно по два-три раза, у князя каждый день собирается немноголюдное

общество в двух маленьких комнатах, великолепно убранных; в оных красуется вензель той дамы, в которую князь влюблен. Там бывают одни приглашенные... Впрочем, Бог знает, чем все это кончится, ибо ждут Браницкую, и уже послан офицер встретить ее. Г-жа Л. должна немедленно приехать и везет с собою молоденькую девушку, лет 15 – 16-ти, прелестную, как амур...”

Старания князя, давно, вероятно, разочаровавшегося в скором осуществлении крупных планов о мире, не увенчивались успехом. Конечно, мир, после таких блестящих успехов русского оружия, должен был бы быть почетным для нас; между тем, Порта, вероятно подзадориваемая иностранными державами, не особенно спешила вести переговоры и делать уступки. Нужно было сломить упорство Турции и взять ее последний оплот на театре войны – твердыню Измаила. Для совершения этого дела, конечно, лучше всего было назначить Суворова.

Взятие Измаила считается самым знаменитым эпизодом кампании 1790 года и одним из беспримернейших в истории. Недаром оно вдохновило гений Байрона, посвятившего ему столько чудных строк в “Дон Жуане”. Сначала князь надеялся, что крепость сдастся без кровопролития. Но этого не произошло, и решено было штурмовать ее. Все авторитеты того времени полагали, что это страшное дело невозможно. Существует предание, что Потемкин, когда штурм уже был решен, устрашенный опасностью неудачи, предоставил Суворову свободу не отваживаться на приступ. Есть и совсем легендарный рассказ о том, чем вызвано решение князя одним ударом покончить с Измаилом. Говорят, что, когда ему де Витт, гадая на картах, сказала, что Измаил сдастся через три недели, Потемкин ответил с улыбкой: “Я умею гадать лучше вас!” – и в ту же минуту послал Суворову приказ взять Измаил во что бы то ни стало приступом.

Как бы то ни было, Суворов поспешил к стенам Измаила и, встретив уже отступавшие войска, вернул их на прежние позиции. 3 декабря он сам вновь разместил их. Четыре дня прошли в безуспешных переговорах с сераскиром о сдаче. А утром 11 декабря 1790 года Суворов рапортовал Потемкину: “Нет крепче крепости, ни отчаяннее обороны, как Измаил, падший перед троном Е. И. В. кровопролитным штурмом. Нижайше поздравляю Вашу Светлость”.

Страшное и невозможное дело совершилось. Курьером к государыне об этом новом подвиге войск был отправлен Валериан Зубов, брат Платона.

Мы избавляем читателя от изображения подробностей этого свирепого штурма, где люди превратились в зверей и дрались до остервенения; приведем только несколько прекрасных строк из

байроновского “Дон Жуана”:

Над крепостью раздался крик: “Аллах!”,
Зловещий грохот битвы покрывая,
И повторился он на берегах;
Его шептали волны, повторяя;
Он был и вызывающ, и могуч,
И даже, наконец, из темных туч
Святое имя это раздавалось;
“Аллах, Аллах!” повсюду повторялось.
Сдавался шаг за шагом Измаил,
И превращался в мрачное кладбище.
Нет, не сдались твердыни Измаила,
А пали под грозою. Там ручьем,
Алея, кровь струи свои катила…
Штыки вонзались, длился смертный бой,
И здесь и там людей валились кучи;
Так осенью, убор теряя свой,
В объятьях бури стонет лес дремучий…

Рассказывают, однако, что после этого знаменитого дела у Суворова с Потемкиным произошла размолвка.

– Чем я могу наградить ваши заслуги, граф Александр Васильевич? – спросил Потемкин героя при свидании.

– Ничем, князь, – отвечал раздраженно Суворов, – я не купец и не торговаться сюда приехал; кроме Бога и государыни, меня никто наградить не может!

Этот ответ раздражил князя: он побледнел и отвернулся.

Перед знаменитыми пособниками Потемкина падали на юге неприступные твердыни, а там, на севере, был у князя противник, который давал себя чувствовать. Это был Зубов, влияние которого все возрастало. До князя доходили об этом точные вести, и, может быть, влияние Зубова отражалось уже на решениях государыни, которые не всегда точно соответствовали желаниям князя. Несмотря на то, что князю нужно было бы остаться на месте, так как после взятия Измаила ожидались мирные предложения Порты, и, несмотря на то, что государыне отъезд князя был не особенно желателен, Потемкин поехал в Петербург в феврале 1791 года. Это была последняя его поездка туда: свалив твердыню Измаила, он проиграл сражение с Зубовым и нашел себе смерть в опустошенном войной краю.

Глава VII. Конец потемкинской феерии

Последняя поездка князя в Петербург. – Свидетельство Болотова о великих "приготовлениях" к приезду князя. – Пребывание в Петербурге. – Указания на размолвки с государыней. – Столкновения с Зубовым. – Сцена с камер-юнкером Голынским. – Праздник в Таврическом дворце. – Чудовищная роскошь этого торжества. – Слезы Потемкина. – Необходимость отъезда в армию князя. – Причины, задержавшие его в Петербурге. – Факт из письма Завадовского. – Успехи на войне Репнина. – Решительное слово Екатерины. – Отъезд князя на юг. – Последние письма государыни к князю. – Болезнь его. – "Канон Спасителю". – Погребальные дроги в Галаце. – Предчувствия близкой кончины. – Предсмертное письмо Потемкина. – Кончина его. – Стихи Державина. – Впечатление от смерти князя. – Отчаяние императрицы. – Отзывы современников. – Характеристика князя государыней в письме к Гримму. – Наследство князя. – Его долги. – История с могилой Потемкина. – Резюме

Последняя поездка Потемкина в Петербург сопровождалась теми же торжественными сценами, как и первая, после Очакова. В записках Болотова, достоверного свидетеля тогдашних времен, об ожидании князя в Серпухове, на пути к Москве сказано: "Лошади, приготовленные под него, стояли фрунтом. Судьи же вместе с московским губернатором, прискакавшим для сретения оного, были все распудрены и в тяжких нарядах". А о приготовлениях в Лопасне тот же очевидец пишет: "Мы нашли и тут великие приготовления к приезду княжескому и видели расставленные повсюду дегтярные бочки для освещения в ночное время пути сему вельможе. Словом, везде готовились принимать его, как бы самого царя".

Вся Москва гремела и занималась князем, приехавшим туда на последние дни масленицы. Вся знать собиралась к нему, поклоняясь, как идолу. Всюду приказано было исправлять дороги для Потемкина, и императрица отправила к нему навстречу графа Безбородко.

Государыня ждала своего друга с радостью, вельможи же, которых он заслонял своим присутствием, с ненавистью. Среди всей придворной толпы один только не боялся предстоявшей встречи – это Зубов. Страшно честолюбивый и затаивший

ненависть против Потемкина, не дававшего ему быть “первой персоной” в государстве, он, поощряемый большой партией при дворе и благоволением государыни, вздумал сломить гиганта и повторить в своей особе его величие и могущество. Борьба эта для Зубова, благодаря неизмеримым милостям государыни, кончилась успехом; но заменить Потемкина у Зубова “не хватило пороху”...

Встреча князя в Петербурге, куда он прибыл 28 февраля 1791 года, была необыкновенна по своей пышности. Роль его в устройстве всех тогдашних государственных дел по-прежнему была самая главная; но хотя императрица и относилась к нему по-старому благосклонно, однако порой замечалось с ее стороны как бы какое-то тайное предубеждение против князя, – вероятно, результат наветов Зубова... Князь Потемкин, по самому своему характеру, не имел особенных способностей к мелким интригам: он привык сокрушать с маху, одним ударом, но не ставил противникам подножки. И, понятно, этот Голиаф не мог терпеть совместничества во власти с Зубовым.

О прямых столкновениях между соперниками не имеется данных, но слишком много было и косвенных причин, чтобы разжечь эту вражду. Державин, например, рассказывает про такой случай. Майор Бехтеев, в присутствии многих лиц, громко жаловался Потемкину на отца Зубова, который ограбил его, отняв у майора, без всякого права, деревню. Этот старый Зубов, пользуясь близостью сына к Екатерине, отличался безобразными и беззаконными действиями, возмущавшими даже тогдашнее, не особенно разборчивое общество. Потемкин защитил Бехтеева, заставив отца Зубова уладить это дело, чем, конечно, сильно задел самолюбие сына. Еще менее молодой временщик мог простить князю случай, о котором сам впоследствии рассказывал: Потемкин оказался главным виновником того, что Зубов был вдвое менее богат.

Однажды императрица объявила П. Зубову, что дарит ему за заслуги имение в Могилевской губернии, заселенное 11 000 душ крестьян, но потом спохватилась, вспомнив, что имение это уже подарено Потемкину. Тогда она за столом сказала князю:

– Продай мне твое могилевское имение!

Потемкин, догадываясь, для кого предполагается покупка, покраснел до ушей и, быстро оглянувшись, отвечал, что исполнить желание государыни не может, так как имение вчера продал – “вот ему!”, – и он указал на стоявшего за его креслами молодого камер-юнкера Голынского. Императрица, догадавшись, что Потемкин узнал ее намерение, и сильно смутившись, спросила Голынского в замешательстве:

– Как же ты это купил имение у “светлейшего”?

Потемкин, предупреждая ответ, метнул мнимому покупщику выразительный взгляд, и догадливый Голынский глубоким поклоном государыне подтвердил выдумку князя Таврического.

В этом поступке виден гигантский размах “великолепного князя”: он не пожалел громадного богатства, швырнув его юноше, чтоб это богатство не досталось Зубову.

Но в этой борьбе “Голиафа” с ничтожным пигмеем много шансов было и на стороне последнего. Хотя в глазах императрицы князь и имел за собой громадные заслуги и даже подавлял ее силой своей личности, почти гипнотизируя государыню, так что она шла навстречу многим его желаниям; но он уже опускался, тогда как Зубов поднимался; Потемкин должен был вскоре уехать на юг, Зубов оставался при государыне, которая находила отраду в задушевных беседах с новым для нее человеком. Нужно еще сказать, что стареющая императрица часто в это время недомогала: ее печалило тяжелое состояние государства, измученного войнами, внешние усложнявшиеся дела и отсутствие мирных предложений со стороны Турции. А затем и в отношениях домашних к “малому двору” были недоразумения, которые расстраивали ее. И возможно, что Екатерине досаждали порой чрезмерные требования “светлейшего”; она ждала мира и спокойствия, и ее пугали новые осложнения. Как бы то ни было, но придворная хроника того времени сохранила рассказы о многих размолвках этих двух крупных персонажей прошлого века за последние дни их встреч. Слышали мрачный голос князя, замечали некоторые публично выраженные знаки недовольства государыни “светлейшим”. Но, конечно, общий тон отношений Екатерины к своему возвеличенному другу оставался по-прежнему благосклонным: на него сыпались милостивые знаки внимания, награды и подарки.

28 апреля 1791 года дан был Потемкиным великолепный праздник во вновь подаренном ему императрицей Таврическом дворце, затмивший своей чудовищной роскошью прежние пиры этого мота. Праздник этот – лебединая песнь “великолепного князя Тавриды” – был фантастической сказкой, выхваченной из воображения какого-нибудь необузданно восторженного поэта. В несколько дней перед дворцом, по повелению “светлейшего”, образовали большую площадь, простиравшуюся до самой Невы: снесли заборы и здания, расчистили место. Воздвигли триумфальные ворота и устройства для иллюминации. На образовавшейся площади предполагалось празднество для народа: были расставлены закуски, медовый квас, пиво, сбитень, а также и развешаны подарки – сапоги, шляпы, кушаки и пр. Но,

увы! То, что предназначалось для забавы народа, окончилось для него печально: празднество должно было начаться в момент прибытия государыни, но народ раньше этого накинулся на выставленное для него угощение. Потребовалось вмешательство полиции, и произошло нещадное избиение толпы.

Внутренним устройством дворца и выработкой программы праздника занимался сам князь. Как размеры здания, так и груды наполнявших его сокровищ давали возможность осуществить безудержно разыгравшуюся фантазию Потемкина, которого, притом, нельзя было упрекнуть в отсутствии художественного вкуса. Какие долгие толки в России и за границей оставил по себе этот невозможно богатый праздник, – этот апофеоз роскоши и могущества “великолепного князя”, обошедшийся, как рассказывают, в полмиллиона рублей!

Говорят, что для иллюминации скупили весь воск в Петербурге и за ним, кроме того, был послан еще нарочный в Москву. Одного этого материала было куплено на 70 тысяч рублей, убранство зал, коридоров и приемных представляло смесь азиатской роскоши с европейским изяществом. Более двухсот люстр, кроме имевшихся во дворце, было взято напрокат в лавках. Особенным великолепием поражали две громадные залы, разделенные колоннадой. Первая – танцевальная – была украшена зеркалами, вазами, люстрами и печами из лазурного камня; в другой князь устроил огромный зимний сад, в котором, для большего эффекта, расставлены были колоссальные зеркала, обвитые зеленью и цветами. Эти зеркала отражали огни роскошной иллюминации. В саду высился храм с жертвенником, на котором стояла статуя Екатерины из паросского мрамора с надписью – “Матери отечества и мне премилосердной”; кроме того, имелись и жертвенники “благодарности” и “усердия”. На лужайке сада стояла пирамида, оправленная золотом, осыпанная драгоценными камнями и украшенная вензелем монархини. В глубине сада виднелся грот, на стенах и карнизах зал красовались надписи: “Екатерине Великой”, “От щедрот Великия Екатерины” и др. Чудные гобелены, сотни картин редчайших мастеров и драгоценные ковры в громадных количествах украшали эти баснословные чертоги. Тут были разные диковинки и чудеса, собранные за громадные деньги экстравагантным князем: золотой слон с великолепными часами, павлин, драгоценные с органами люстры герцогини Кингстон. Были некоторые намеки и на злобу дня. Громадные гобелены, украшавшие гостиную, изображали известную библейскую историю Амана и Мардохея.

Гостей на праздник Потемкина собралось несколько тысяч.

При появлении императрицы князь сам высадил ее из кареты. Гости явились в маскарадных платьях; сам Потемкин – в алом кафтане и в епанче из черных кружев; его украшенная огромным количеством бриллиантов шляпа была до того тяжела, что ее за “светлейшим” носил адъютант.

Екатерина заняла приготовленный для нее трон – и в танцевальной зале начался балет (кадриль) в двадцать четыре пары из самых знатнейших дам и кавалеров, в числе которых были великие князья Александр и Константин. Все участвовавшие явились в белых одеждах, украшенных бриллиантами на сумму в десять миллионов рублей. В заключение кадрили протанцевал соло знаменитый в то время балетмейстер Ле Пик.

Музыка гремела, вместо литавр грохотали пушки, и с хоров раздавалась известная песнь Державина:

Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый Росс!

На изящно устроенном театре даны были два балета и две комедии. Не обошлось, между прочим, и без псевдопатриотических сцен. Во второй комедии, “Смирнский купец”, продажными невольниками явились жители всех стран, кроме России. Глубокая ирония на нравы родной страны!

После блестящего бала был сервирован не менее роскошный ужин на 600 человек. Сотни лакеев и гайдуков, обряженных в новые роскошные ливреи, прислуживали гостям. Потемкин стоял за креслом императрицы, пока она не настояла, чтобы он сел. Екатерина уехала во втором часу ночи. При ее выходе из залы на хорах дворца, под аккомпанемент органа, пропета была итальянская кантата, прославлявшая Екатерину:

Царство здесь удовольствий,
Владычество щедрот твоих!
Здесь вода, земля и воздух —
Дышит все твоей душой!

Потемкин, преклонив колена, в глубоком умилении плакал, приникнув устами к руке императрицы. В этих слезах вылилась и благодарность за милости, и уязвленное самолюбие человека, которому угрожал опасный соперник, и, может быть, предчувствие недалекой кончины...

После этого волшебного праздника князь – главнокомандующий всеми армиями, – вместо того, чтобы

спешить к ним, оставался в Петербурге около трех месяцев. Носилась масса слухов о причинах долгого пребывания Потемкина в столице, доходивших до предположений, что он домогался разрешения основать из областей, отнятых у Турции, особое царство и владычествовать в нем под главенством России. Но для лиц, лучше посвященных в дела этого времени, ясны были причины медлительности князя: его более, чем мир с Турцией, чем блестящие победы над визирем, занимала победа над Зубовым, который мутил до бешенства Потемкина, не терпевшего соперников во власти.

Могли быть и другие мелкие причины, которые, однако, для не знавшего пределов своим желаниям князя являлись крупными. Вот что, например, писал Завадовский в письме к С. Р. Воронцову об этих “мелких” причинах:

“Князь, сюда заехавши, иным не занимается, как обществом женщин, ища им нравиться и их дурачить и обманывать. Влюбился он еще в армии в княгиню Долгорукову, дочь князя Барятинского. Женщина превзошла нравы своего пола в нашем веке: пренебрегла его сердце. Он мечется как угорелый... Уязвленное честолюбие делает его смехотворным...”

Ко всему этому нужно прибавить, что с князем опять случались жестокие припадки хандры и отчаяния: у него появлялись предчувствия близкой кончины, которые на этот раз не обманули его.

Пребывание в Петербурге полководца, которому следовало бы спешить на юг, давало поводы врагам его к жестоким нападкам, имевшим на этот раз достаточные основания. К досаде “светлейшего”, оставленный во главе армии талантливый полководец князь Репнин как бы оттенил своей энергией сибаритство Потемкина и его вообще медленные предшествовавшие действия. Ряд блестящих побед, из которых главная была одержана над верховным визирем при Мачине 28 июня, заставил даже “светлейшего” завидовать полководцу и злиться на него за успехи. Потемкин ясно видел, что может утратить обаяние победителя в войне, которую он начал, но которую мог блестящими ударами кончить другой, принудив несговорчивых турок, наконец, к выгодному для России миру; и действительно, Репнин уже начинал вести мирные переговоры от себя.

Мера терпения самой императрицы, наконец, переполнилась: Потемкин мог и ее компрометировать, оставаясь и развлекаясь в Петербурге, когда наступали решительные дни на юге, от которых зависела честь государыни. Екатерина, наконец, через Зубова или Безбородко хотела приказать уехать князю. Но никто не

осмеливался пойти к Потемкину со столь опасным поручением. Тогда, по рассказам современников, она сама пошла и объявила князю в решительных выражениях о необходимости отъезда в армию. Потемкин должен был покориться. Раздосадованный своим неопределенным положением при дворе, тосковавший и томимый печальными предчувствиями, он выехал из Царского Села 24 июля 1791 года, в 5 часов утра. Вероятно, никогда не чувствовал такой горечи и унижения "великолепный князь Тавриды", как в эти первые дни своего изгнания... Больше он уже не увидел столицы, бывшей свидетельницей его славы и могущества.

Но было бы ошибочно полагать, что Екатерина изменила отношение к своему излюбленному другу. Она по-прежнему была его благодетельницей. Целый ряд самых ласковых и ободряющих писем ее полетел за князем, едва он выехал из Петербурга. Государыне нужно было только, чтобы он "для славы империи" уехал в армию; но она все-таки по-прежнему ценила его таланты и сердце. Когда донеслись до императрицы первые вести о болезни Потемкина, она писала ему:

"О чем я всекрайне сожалею и что меня же столько беспокоит, есть твоя болезнь и что ты ко мне пишешь, что не в силах себя чувствуешь оной выдержать. Я Бога прошу, чтоб отвратил от тебя сию скорбь, а меня избавил от такого удара, о котором и думать не могу без крайнего огорчения".

"Обрадовал ты меня, – писала она в другом письме, – прелиминарными пунктами о мире, за что тебя благодарю сердцем и душой. Желаю весьма, чтоб великие жары и труды дороги здоровью твоему не нанесли вреда, в теперешнее паче время, когда всякая минута требует нового труда. Adieu, mon ami!"

Что болезнь князя страшно беспокоила государыню, видно хотя бы из заметки в дневнике Храповицкого от 28 августа: "Получено известие через Кречетникова из Киева, что князь Потемкин очень болен и к нему поехала Браницкая... Печаль и слезы..."

Однако Потемкин, несмотря на болезнь, чрезвычайно быстро прискакал в Яссы: в восемь дней. Рассказывают, что он был страшно раздражен действиями Репнина; но это, впрочем, могло относиться и к условиям договора, заключенного последним с турками. Во всяком случае Потемкин вскоре признал заслуги Репнина и был с ним в хороших отношениях, так что не заслуживает упрека в неблагодарности к талантливому полководцу.

Чувствуя, что болезнь усиливается, Потемкин испытывал

мрачную и томительную тоску. Во время ее припадков всемогущий князь лечил свои душевные раны обращением к Божеству: к этому времени относится составление им “канона Спасителю”.

Одно время, как известно, можно было думать, что мирные переговоры с турками прервутся. Князь требовал, между прочим, независимости Молдавии, облегчения судьбы Валахии и уступки Анапы. Мы были страшно истощены войной, а Турция уже вновь выставила громадную армию в 200 тысяч человек, стоявшую под начальством великого визиря на правом берегу Дуная, против Браилова. Впрочем, князю не суждено было дожить до мира: смерть шла скорыми шагами к “светлейшему”.

Разные обстоятельства увеличивали скорбь суеверного князя и еще более убеждали его в близости кончины. В половине августа в Галаце скончался брат великой княгини Марии Федоровны, принц Вюртембергский. Князь был на похоронах и, когда вышел по окончании отпевания из церкви и приказано было подать ему карету, то вместо этого по ошибке подвезли погребальные дроги: князь в ужасе отступил. Вскоре после этого его повезли уже больного в Яссы. На пути туда он назначил уполномоченных на мирный конгресс: племянника своего А. Н. Самойлова, де Рибаса и Лашкарева. В Яссах болезнь его усилилась. В письмах к Репнину он пишет: “Продолжающиеся мои страдания довели меня до совершенной слабости...” “Место сие, наполненное трупами человеческими и животных, более походит на гроб, нежели на обиталище живых. Болезнь меня замучила...”

В Петербурге, во дворце, царственная женщина следила со страшной тревогой за течением болезни старого друга: читая бюллетени докторов, она плакала...

К больному приехала его любимая племянница – Браницкая. Князю становилось все хуже и хуже. Хотя у него был целый штаб докторов, но “светлейший” не особенно любил исполнять их советы. Напротив, Потемкин сам способствовал усилению болезни: он много ел, обливал, несмотря на жар в теле, холодной водой голову и раздражался по пустякам, как нетерпеливый ребенок.

27 сентября князь изъявил решительное желание уехать из Ясс, которые казались ему гробом, в только что отстроенный Николаев. Но благодаря настоянию докторов он еще остался на несколько дней в столице Молдавии. Перед выездом Потемкин подписал слабевшей уже рукой последнее письмо к императрице, продиктованное Попову и полученное государыней уже после кончины “светлейшего”: “Матушка, всемилостивейшая

государыня! Нет силы более переносить мои мучения, одно спасение остается – оставить сей город, и я велел везти себя к Николаеву. Не знаю, что будет со мной. Верный и благодарный подданный (рукой Потемкина) “я для спасения уезжаю”.

Поезд с больным выехал из Ясс и прибыл на первую станцию, где был назначен ночлег. Там приготовили было пышную встречу, но из кареты доносился страдальческий голос: “Душно мне, жарко!” Ранним утром выехали из места остановки (князя сопровождала большая свита), но проехали только несколько верст, и больной приказал остановиться.

– Будет теперь, – сказал он, – некуда ехать: я умираю! Выньте меня из коляски: я хочу умереть на поле!

По другим рассказам, больной держал икону, лобызал ее, обливал слезами и рыдал, взывая: “Боже мой, Боже мой!”

Рассветало. Положили ковер, принесли кожаную подушку, уложили князя. Он ничего не говорил и стонал. Скоро затем, сильно вздохнув, протянулся, и его не стало... Казак из конвойных первый сказал, что князь отходит, и умиравшему закрыли глаза на вечный сон грязными медными монетами...

Вот вдохновенные стихи Державина из его “Водопада” на смерть князя:

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта; покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!
Чей одр – земля; кров – воздух синь,
Чертоги – вкруг пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?

Впечатление от неожиданной кончины князя было необыкновенно. Императрица провела несколько дней в слезах и отчаянии; ей вынуждены были пустить кровь. Граф Эстергази писал своей жене около этого времени: “Со смертью Потемкина все облечено здесь скорбью. Императрица ни разу не выходила: эрмитажа не было; она даже не играла в карты во внутренних покоях”. В письмах к Гримму и другим лицам и в разговорах Екатерина высказывала искреннюю и глубокую скорбь о почившем и о невозможности заменить его другим деятелем. Но

большинство лиц, окружавших ее, были довольны смертью Потемкина. В числе последних считались и коронованные особы, как Станислав Понятовский, страшившийся замыслов могущественного князя в отношении Польши.

Как же, впрочем, было не радоваться придворным, если даже, по словам Массона, не панегириста князя, это был человек необыкновенный, исполин, заслонявший собой всех. “Он созидал или разрушал, – говорит Массон, – или спутывал все, но и оживлял все. Когда отсутствовал, только и речей было, что о нем; появлялся – и глядели исключительно на него одного. Вельможи, его ненавистники, игравшие некоторую роль в бытность его в армии, при его появлении, казалось, уходили в землю, уничтожались при нем...” “Что касается меня, – писал С. Р. Воронцову Ростопчин, – то я восхищаюсь тем, что день смерти его положительно известен, тогда как никто не знает времени падения Родосского колосса”.

Говоря словами принца де Линя, в характере князя было много исполинского, романтического и варварского. Смерть его произвела громадный пробел в империи, и смерть эта была так же необыкновенна, как и вся его жизнь. Понятно, что соседство такого гиганта для людей, обладавших только пороками “светлейшего” без его дарований, было невыгодно.

“Древо великое пало: был человек необыкновенный!” – говорит о нем московский митрополит Платон.

Вот письмо Екатерины к Гримму – великолепное надгробное слово “светлейшему”: “Страшный удар разразился над моей головой, – писала государыня, – мой ученик, мой друг, можно сказать, мой идол, князь Потемкин-Таврический – умер... Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца... Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими...”

Рады были смерти “светлейшего” и родственники, получившие от него колоссальное наследство в десятки миллионов и неисчислимые художественные сокровища. Но эти наследники были до того жадны, что просили не раз Екатерину и даже Павла I о сложении долгов почившего казне, которых князь оставил на громадные суммы.

Многое было прощено памяти покойного! Императрица приказала признать счеты по турецкой войне законченными, хотя там на самый худой конец недоставало многих миллионов и даже было ясно, что эти миллионы перешли в карманы таких креатур князя, как Попов, Фалеев и др. Долг в 700 тысяч рублей банкиру Сутерланду был уплачен государыней, заметившей при этом, что князь “многие надобности имел по службе и нередко издерживал

свои деньги”.

Хотя императрица скорбела первое время, но потом постепенно утешилась. Она издала по поводу смерти Потемкина пышный манифест и приказала изготовить грамоту с перечислением всех его подвигов. Эта грамота хранилась в соборной церкви Херсона, где также приказано было соорудить мраморный памятник Таврическому.

После смерти князя в степи труп его привезли в Яссы, откуда после пышной церемонии доставили в Херсон, где его поставили в подпольном склепе церкви св. Екатерины. На месте кончины “светлейшего” воздвигнут был памятник. Но в судьбе “великолепного князя Тавриды” все было необыкновенно – и впоследствии воздвигнутый Потемкину в церкви Херсона памятник был уничтожен, а склеп засыпан землей.

Последнее, что было сделано с останками “светлейшего”, – это исследование ученой комиссии, снаряженной в 1873 году одесским обществом истории и древностей. Она нашла в могиле Потемкина ящик, в котором лежал череп; на затылке этого черепа виднелись клочки темно-русых волос; кроме того, в ящике лежало несколько костей. В склепе нашли еще части деревянного и свинцового гробов, остатки позументов и гробовые скобы, а также три шитые канителью орденские звезды первой степени: Андрея, Владимира и Георгия. Вот все, что осталось от “великолепного князя Тавриды”, изумлявшего мир своей роскошью и могуществом! Не забудем сказать, что в Херсоне, которому дал жизнь “светлейший”, последнему на повсеместный в России сбор воздвигнут в 1836 году памятник.

Итак, в глухой степи, в туманный час рассвета, на грубой кожаной подушке, в страданиях, кончил свою бурную жизнь этот необыкновенный человек, наделенный большими дарованиями, но и утопавший в колоссальных пороках, державший в своих руках судьбы отечества и соседних стран. Его необузданная натура не хотела знать и не знала препятствий. В тот век, когда вообще слишком мало ценилось “пушечное мясо”, он производил без содрогания свои колоссальные опыты, стоившие огромных жертв государству. Но и на этой, почти недоступной для смертных высоте могущества его душа, пресыщенная развратом, утомленная почестями, испытывала невыносимую тоску и искала обновляющего начала: от грубых сцен разврата он переходил к сентиментальной, платонической любви и верил в “нравственное сродство” душ или сочинял умилительный “канон Спасителю”. Во всяком случае, это была личность не из мелкой породы. Громадные достоинства в нем стихийно перемешивались с отвратительными пороками. Но когда представляешь себе эту

гигантскую личность во всем ее ужасающем величии, то ясно видишь, что такие явления возможны только на почве разнузданных инстинктов, не сдерживаемых никакими нравственными началами. Великолепный князь Тавриды до известной степени походил на те гигантские болотные цветы, которые поражают своею величиной, гордым и прекрасным видом, но их чашечки заключают ядовитый сок, и под этими цветами копошатся нередко гады и змеи. Таков был и Потемкин.

Источники

1. “Потемкин”, историческая монография А. Г. Брикнера.

2. Архив князя Воронцова. Т. 1 – 37.

3. “Замечательные богатства частных лиц в России” Карновича.

4. Сочинения Державина.

5. Сочинения А. С. Пушкина.

6. “Дон Жуан” Байрона.

7. Записки Энгельгардта.

8. “Семейство Разумовских” Васильчикова.

9. Дневник Храповицкого.

10. “История Екатерины II” Бильбасова и многие другие книги.

11. Журналы: *“Русская старина”* (“Записки Болотова”, Гарновский, Позье, “Принц де Линь в России” Бильбасова, “Екатерина и Потемкин” – подлинная их переписка, “Князь Г. А. Потемкин-Таврический” и проч.); *“Русский архив”* (“С. Г. Зорич”, “Князь Г. Г. Орлов”, “Деяния князя Г. А. Потемкина-Таврического” графа Самойлова, “Потемкинский праздник”, “Лорд Мальмсбюри о России” и др.); *“Исторический вестник”* (“Екатерининский временщик”, “Замечательные богатства князя Потемкина” Пыляева, “Столетие кончины Потемкина” Шубинского и пр.).

12. Газеты: *“Новое время”* (“Ловеласы и плениры” Пыляева).

notes

Примечания

1

Выскочка *(фр.)*

2

Сонное ленивое полузабытье, особый род неги от бездействия, знакомый жителям юга *(ит.)*

3

А, князь! Как поживаешь, князь? *(фр.)*

4

Любовных записок *(фр.)*

5

Моя любовь, моя душа, все, что я люблю! *(фр.)*

6

Избалованное дитя божье *(фр.)*

7

Безумный день *(фр.)*